

маньчжурский вариант

Олег Шушаков

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Олег Шушаков

Маньчжурский вариант

«ВЕЧЕ»

2010

Шушаков О. А.

Маньчжурский вариант / О. А. Шушаков — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Секретный фарватер (Вече))

Как известно из истории, конфликт между СССР и Японией на реке Халхин-Гол длился с мая по сентябрь 1939 года и закончился разгромом отдельной 6-й японской армии. 15 сентября 1939 года по просьбе Японии между Страной восходящего солнца и СССР было заключено перемирие. По версии автора – военного историка, – советское командование, воспользовавшись успехами на Халхин-Голе, на этом не остановилось, а развило наступление и нанесло удар по японцам в Маньчжурии и Китае, полностью разгромив Квантунскую армию не в 1945-м, а еще в 1939 году.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1. «Как много девушек хороших...»	6
Глава 2. «В далекий край товарищ улетает...»	15
Глава 3. «Служили два товарища, ага...»	23
Глава 4. «Сумеем кровь пролить за СССР...»	31
Глава 5. «Нас извлекут из-под обломков...»	40
Глава 6. «Мы войны не хотим, но себя защитим...»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Шушаков

Маньчжурский вариант

© Шушаков О.А., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Часть первая Монгольский пролог

*Если завтра война, если враг нападет,
Если темная сила нагрянет,
Как один человек, весь советский народ
За свободную Родину встанет!..*

*На земле, в небесах и на море
Наши напев и могуч и суров:
Если завтра война,
Если завтра в поход,
Будь сегодня к походу готов!..*

В. Лебедев-Кумач

Глава 1. «Как много девушек хороших...»

Одесса, август 1936 – декабрь 1938 г.

– Ни-ко-гда, ни-ко-гда, ни-ко-гда... – безнадежно стучали колеса на рельсовых стыках. Владимир лежал на верхней полке с закрытыми глазами. Но спать ему не хотелось. Ничего ему не хотелось. А то, что хотелось, было нельзя. Нельзя было выпрыгнуть из вагона и хоть пешком по шпалам, но вернуться назад в Одессу.

А больше ему не хотелось ничего. Даже жить... Сердце сдавило такой тягучей тоскливой болью, что впору было завывать во весь голос!

Он сам был во всем виноват.

И ведь мог бы остаться в авиашколе летчиком-инструктором, если бы захотел.

Витьку Попова, между прочим, оставили инструктором, так он ходил, всем надоедая, ныл и сетовал на свою несчастную судьбу. Ведь мог же с ним поменяться местами! Но не стал! Постеснялся. Подумал – не так поймут.

Дальний Восток... «На границе тучи ходят хмуро...» Ему даже завидовали. Другой бы радовался такому распределению, а он...

Эх, да, что тут говорить! Он до последнего дня так и не решился признаться девушке в любви. Бесстрашный сталинский сокол! А теперь вот лежит на полке и скулит!.. Потому что никогда больше ее уже не увидит! Никогда!.. Никогда...

В конце августа тридцать шестого года Владимир Пономарев был зачислен в восьмую Одесскую военную школу пилотов по спецнабору.

Сначала, как и положено, был курс молодого бойца. Строевая, огневая, тактическая, физическая и политическая подготовка, общеобразовательные предметы – математика, физика, русский язык в объеме средней школы. К концу года все зачеты были сданы, вчерашние гражданские ребята приняли присягу и стали полноправными курсантами.

В декабре из спецроты была сформирована учебная эскадрилья для обучения на У-2. Правда, полеты начались только в апреле. Зимой в Одессе всегда плохая погода – дожди, туманы, слякоть. Поэтому всю зиму Владимир с товарищами просидел в классах. Они изучали матчасть, мотор и авиаприборы. Одновременно учили теорию полета, самолетовождение, теорию воздушной стрельбы. зубрили «Курс учебно-летной подготовки школ ВВС

РККА» и «Наставление по производству полетов». И только когда земля просохла, наконец-то, приступили к делу.

Полеты курсантов Одесской авиашколы проходили на западном аэродроме, расположенном километрах в пяти от основного аэродрома Одессы.

Замерев в строю, Владимир пытался унять дрожь, волнами пробегающую по телу, то ли от утренней свежести, то ли от предвкушения полета.

Комэска оглядел курсантов и скомандовал:

– По самолетам!

Летчики-инструкторы и счастливики, которым первым предстояло сейчас подняться в небо, полезли в кабины, а остальные легким бегом направились в сторону «квадрата» – места, отведенного на аэродроме для техников и свободных от полетов курсантов.

Инструктор пономаревской группы старший лейтенант Иосиф Хотелев сел впереди. Во второй кабине У-2 устроился курсант Дьяконов. Он был первый по списку. А остальные, страдаемые белой завистью, ждали своей очереди, сидя в «квадрате».

– За-апус-кай моторы! – прозвучала команда комэска.

– Выключено! – глядя на техника, стоящего возле винта, произнес Хотелев. – Зальем!

– Есть, зальем! – провернул винт техник.

– К запуску!

– Есть, к запуску!

– От винта!

– Есть, от винта! – техник сильно дернул лопасть, срывая компрессию, и отбежал в сторону. Винт крутанулся и, чихая сизым дымом, заработал мотор. Хотелев развел руки в стороны, приказывая убрать из-под колес колодки, и самолет плавно порулил к старту.

Полет по кругу над аэродромом – взлет, четыре разворота и посадка. Несколько минут счастья...

Наконец к самолету вызвали Владимира.

– Старайтесь запомнить направление взлета и ориентиры разворотов, – через переговорный аппарат сказал Хотелев. – Взлетаем!..

Но ничего в этом полете Владимир не запомнил. Кроме захватывающего дух зрелища высоты. И ощущения бесконечности бескрайнего голубого неба.

Когда они оторвались от взлетной полосы и набрали высоту, горизонт словно отодвинулся. И под крыльями раскинулась планета. Огромная и чудесная...

Этот первый полет навсегда остался в его памяти.

Как навсегда остался в памяти прекрасный майский день, когда он впервые увидел Наталью Серебровскую...

Не заметить эту невысокую стройную блондинку с огромными льдисто-серыми глазами было невозможно! Само собой, это была любовь с первого взгляда. Все произошло неожиданно и совершенно безнадежно.

Не так уж много девушек приходится видеть курсанту военной авиашколы.

Распорядок в школе суровый – подъем в шесть утра, кросс и зарядка в любую погоду, занятия строго по расписанию, вечером – самоподготовка, в двадцать три часа – отбой. Личного времени едва хватало, чтобы погладить форму, подшить подворотничок, почитать письмо из дому да написать пару строчек в ответ. Хотя иногда, в выходной, если повезет, можно было несколько часов поболтать по Дерибасовской в увольнении, поесть мороженого и поплямиться на девчонок.

Замкомэска по строевой Иванов отпускал в увольнение только тех, чей внешний вид соответствовал его высоким представлениям о том, как должен выглядеть курсант Одесской авиашколы, будущий пилот РККА. Но это было еще не все. «Иван-царевич», как почему-то прозвали замкомэска курсанты предыдущего выпуска, отпускал в город только тогда, когда

кандидат в увольнение перепрыгивал через гимнастического коня. Перепрыгнешь – свободен, а не перепрыгнешь – останешься в спортзале, отрабатывать упражнение. Капитан Иванов был не женат, не пил, не курил и все свое время от подъема до отбоя посвящал родной эскадрилье.

У некоторых курсантов имелись знакомые одесситки, но Владимир Пономарев к числу этих особо продвинутых не относился. Владимир девушек сторонился по молодости лет и природной стеснительности. На самом деле, в свои девятнадцать он даже и целоваться-то еще не умел, не говоря уже обо всем остальном.

О том, что в авиашколе появилась девушка-орденоносец, инструктор по парашютному делу, Владимир слышал, но до сих пор ни разу ее еще не видел.

И вот увидел. И пропал! Сразу и напроць!..

Летная форма Наталье Серебровской очень шла. В затянутом в талии комбинезоне, улыбчивая и круглолицая, с коротко остриженными белокурыми от природы локонами, она вся светилась, как утренняя звезда. И глядя на Наталью, голова кружилась не у одного только Владимира. Но она поддерживала ровные дружеские отношения со всеми, никого особо не выделяя. Открытый и веселый нрав позволял ей оставаться «своим парнем» в любой компании.

До авиашколы она работала инструктором по обучению прыжкам с парашютом в Одесском аэроклубе. Было ей всего двадцать два года, но пять из них она отдала парашютному спорту. К этому времени Серебровская совершила уже более двухсот прыжков. Она окончила Тушинский аэроклуб и Высшую парашютную школу. Была ученицей Якова Мошковского. Того самого Мошковского, который получил знак мастера парашютизма СССР вторым в стране. Того самого, который в начале этого лета участвовал в экспедиции на Северный полюс и был вторым пилотом в экипаже Мазурука.

В тридцать пятом году за личную отвагу и выдающиеся заслуги в развитии советского парашютизма Наталья Серебровская вместе с Яковом Мошковским, Николаем Остряковым и другими парашютистами была награждена орденом Красной Звезды.

Эта награда никак не повлияла на нее. Она по-прежнему оставалась такой же озорной хохотушкой, как и до того, как на ее высокой груди, рядом со знаком Мастера парашютизма СССР с трехзначной цифрой на подвеске, засверкал вишневым эмалью и серебром боевой орден.

Ни о каком романе, конечно, не могло быть и речи. Владимир даже смотреть на Наталью не решался, не то, что заговорить. Хотя и считал часы до занятий по парашютному делу. Считать-то считал, но успехами не блистал. Увы, в ее присутствии у него начинало шуметь в ушах и все обрывалось под солнечным сплетением, как будто он совершал затяжной прыжок с большой высоты. Тем не менее учебную программу он осваивал не хуже других и к прыжкам был допущен.

В тот день на аэродроме работала пятерка Владимира. Организационно учебная эскадрилья состояла из двух отрядов, по четыре звена в каждом. В звене – три летные группы по десять человек, которые, в свою очередь, делились на две части для поддержания непрерывности учебного процесса. Каждый летный день одна пятерка проводила на аэродроме, а другая в классе. На следующий день они менялись местами.

Сегодня на построении рядом с инструктором стояла лейтенант Серебровская, как всегда улыбаясь утреннему солнцу. И в глазах у нее искрились веселые льдинки. У Владимира от этого зрелища привычно зашумело в голове. Поэтому он едва не пропустил мимо ушей слова Хотелева, который объявил, что сегодня вместо полетов, они будут прыгать с парашютом. Вчера им об этом не сказали, чтобы они выпалились, а не тряслись всю ночь перед первым прыжком.

Владимир, как всегда, был предпоследним. Последним по списку прыгал Витька Попов... Поп откровенно мандражил, поэтому болтал без умолку. Но Владимир ничего не слышал. Он безуспешно пытался справиться с сердцебиением, так как всего в двух метрах от него находилась Она.

О том, что сейчас ему придется шагнуть в бездну, он даже не думал. Не до того было. А когда Наталья, запрыгнув на крыло, поправила лямки его парашюта и что-то прокричала, давая последний инструктаж, у Владимира от этой внезапной близости вообще дух захватило. Слава богу, Хотелев наконец дал газ, и самолет, плавно набирая скорость, покатился по траве.

Пока они набирали высоту, Владимир немного пришел в себя. «Что-то с этим надо делать. Так это продолжаться не может...» – думал он. Хотя внутренний голос и подсказывал ему, что может. Еще как может!..

Хотелев выровнял самолет на высоте пятьсот метров и убрал газ. Владимир посмотрел в зеркало. Инструктор подмигнул ему ободряюще и показал рукой на крыло. Владимир решительно поднялся, вылез из кабины, ухватившись за расчалки, а затем сел на плоскость и свесил ноги. У-2 шел с небольшой скоростью. Мотор было почти не слышно. И ветер оказался вовсе не такой сильный.

– Приготовиться! – прокричал Хотелев.

Владимир нащупал вытяжное кольцо парашюта и сунул руку в «соску» (резинку, прикрепленную к кольцу, чтобы новичок не выпустил его в воздухе с перепугу). Прямо под ногами у него раскинулось зеленое поле аэродрома. Волнения не было.

– Пошел! – крикнул Хотелев, и Владимир, не раздумывая, соскользнул вниз.

Земля стремительно понеслась ему навстречу. Воздух уплотнился под ним, как перина. На счете «три» Владимир дернул кольцо. Его потянуло назад, но скорость падения все еще была велика. Владимир отчетливо и спокойно подумал: «Что-то не так...» Он посмотрел вверх и увидел, что одна стропа парашюта перехлестнула купол. Владимир хотел достать нож и перерезать эту стропу, но понял, что сделать этого не успевает. Земля была уже близко. Он сгруппировался для приземления. И в этот момент очень сильно ударился ногами о землю. В глазах у него потемнело.

Спасло его то, что стропа перехлестнула не весь купол, а только его край. А еще то, что земля в месте приземления по счастливой случайности оказалась более рыхлой, чем в других местах. Весу на армейских харчах он еще не нагулял. Так что ничего себе не повредил, а только отбил пятки. Когда к нему подбежали товарищи, в глазах у Владимира слегка прояснилось.

Только для того, чтобы тут же снова потемнеть.

Потому что первой примчалась Наталья. Она быстро ощупала у него руки-ноги, чтобы убедиться, что Владимир цел. А потом обняла его и поцеловала.

Вот тут-то земля закружилась у него под ногами всерьез. Упасть ему не дали подбежавшие наконец друзья. Они обхватили его со всех сторон, затормозили, и только благодаря этому он не грохнулся под ноги своей красавице и не перепугал всех еще больше.

Витьке в тот день прыгать, понятное дело, не пришлось. И он потом целую неделю ходил и ныл, что вот он уже готовый парашютист, а не может прыгнуть из-за того, что у некоторых стропы купол захлестывают, когда не надо. Впрочем, это он так неумело скрывал свою зависть. Потому что комэска на вечернем построении выдал значки парашютиста всем кроме него. А еще комэска отметил хладнокровие и находчивость курсанта Пономарева, который в сложной ситуации сохранил самообладание и предотвратил несчастный случай, за что ему и объявляется благодарность.

Через неделю они снова прыгали, и на этот раз все прошло штатно. Витька получил наконец свой значок и успокоился.

А Владимир после того поцелуя как-то изменился.

Нет, у него по-прежнему перехватывало дыхание, когда он наткнулся на внимательный льдисто-серый взгляд Натальи. Но теперь под ложечкой у него не холодело, как во время затяжного прыжка. Теперь его всего обдавало жаром так, что хоть прикуривай. А еще он потихоньку начал писать стихи...

Вообще-то стихи он писал для стенгазеты и раньше, еще когда учился в семилетке, а потом в деповской школе фабрично-заводского ученичества. А один раз его даже напечатали в многотиражке «За социалистический транспорт». Но это были совсем другие стихи.

Раньше он писал про радость свободного труда и комсомольцев-добровольцев. Теперь же слова сами собой складывались в красивые, но такие несовременные стихи о луне, такой же круглолицей, о волне, такой же льдисто-серой, о золоте волос и прочих совершенно неуместных, никак не связанных с героическими буднями вещах.

Разве мог он прочитать хоть кому-нибудь, например, это:

Отчего же мне так горько,
Отчего саднит?
Отчего сиянье моря
Счастья не сулит?
Безответно, безнадежно
Я смотрю в глаза.
В льдисто-голубом безбрежье
Потерялся я...

Есенинщина! Мелкобуржуазная лирика и сантименты! Да его тут же продернули бы как надо и высмеяли свои же корешки. И поделом! Он эти стихи даже не записывал. А зачем? Чтобы прятать от товарищей? Достаточно того, что он молчит, и никому ничего до сих пор не рассказал о своей безответной любви.

А как ему иногда хотелось написать письмо любимой и во всем честно ей признаться. Признаться в том, что любит ее без памяти. В том, что шепчет беззвучно и никак надышаться ее именем не может. В том, что по ночам пишет стихи только о ней.

«Какой ты красный курсант! Ты – гнилой интеллигент, товарищ Пономарев!» – ругал себя Владимир почему зря. А потом забывался, глядя в потолок, и под звучный храп спящей казармы снова складывал никому не нужные строки:

Был день как все, был день обычно-серый,
Тянувшийся неспешно, как всегда,
Но в миг, когда за крыши солнце село,
Сверкнула в небе яркая звезда...
Сиреновой чертой она скользнула
В прозрачный желто-розовый закат
И небо на мгновение распахнула
Для тех, кто к небу поднимает взгляд...

Сделав три прыжка, Владимир окончил курс парашютного дела. И не видать бы ему больше любимых глаз. Но судьба смилостивилась над ним.

По воскресеньям курсанты, не получившие увольнительной, пропадали на стадионе или в спортзале. Работали на снарядах, бегали, прыгали, играли в футбол. Так делал и Владимир, пока небольшая группа энтузиастов не уговорила начальника авиашколы разрешить им дополнительные занятия по парашютному спорту.

Вести парашютный кружок, естественно, было поручено лейтенанту Серебровской. И теперь все выходные Владимир и еще с десяток курсантов, влюбившихся в этот спорт (а может, в руководительницу кружка, что вернее), проводили на аэродроме. Под чутким руководством настоящего мастера они и сами быстро становились мастерами.

В День Воздушного флота во время праздника после группового высшего пилотажа на истребителях силами парашютного кружка были проведены показательные прыжки.

Наталья совершила затыжной прыжок, раскрыв парашют у самой земли и заставив всех изрядно поволноваться, особенно Владимира. Он и сам просился, чтобы ему разрешили выполнить это упражнение, благо такие прыжки он уже делал во время тренировок. Но начальник школы разрешил показательный затыжной прыжок только Наталье. Остальные кружковцы участвовали в групповом прыжке, когда в небе над аэродромом повисло сразу десять куполов.

На следующий день всем участникам этого десанта приказом начальника авиашколы была объявлена благодарность и предоставлен отпуск на десять суток.

Но съездить домой у Владимира не получалось. Слишком далеко было ехать. Туда-сюда от Одессы до Новосибирска полторы недели. Приехал, поздоровался и обратно. Поэтому он с удовольствием принял предложение своего друга Лехи Маковкина отправиться к нему в гости в Воронеж. В их компанию затесался и Колька Дьяконов, тоже парашютист, как и они, и почти что Пономаревский земляк. Тоже сибиряк. Только ехать к нему было еще дальше – аж до Красноярска.

Отказаться от возможности видеть любимую целых десять дней было для Владимира выше всяких сил. Но выбирать не приходилось, потому что она тоже получила отпуск и уехала в Москву, к родителям. Набиваться в гости к ней Владимир, ясное дело, не посмел...

У Алексея были две младшие сестры – Таня, высокая, темноволосая и кареглазая, и Аня, маленькая, светленькая, с прозрачными голубыми глазами. Одной – уже семнадцать, а другой – почти. Веселые и энергичные девушки тут же взяли шефство над будущими пилотами и привлекли на помощь Татьянину подружку, длинноносую и волоокою Тамару. Чтобы и братец не остался беспризорным.

Пользуясь последними летними деньками, ребята не расставались ни на минуту. Гуляли, ходили на танцплощадку и в кино. Бравые курсанты в роскошной форме первого срока с ало-голубыми петлицами и значками парашютистов с подвесками привлекали множество девичьих взглядов, но сестры Маковкины и Тамара присматривали за своими кавалерами ненавязчиво, но в оба глаза, так что никаких шансов у остальных воронежских красавиц не было...

Время в отпуске пролетело так незаметно, что Владимир даже удивился. Он удивлялся и тому, насколько легко ему было общаться с девушками. Никакой неуклюжести. Никакого шума в ушах. Он был самим собой, за словом в карман не лазил, всю шутил, и девушки смеялись и смотрели на него своими большими глазами.

В кино они брали билеты на последний ряд. И Владимир, скосив взгляд, видел, что Алексей и Тамара целуются напропалую, но сам на такое не решался. Только держал притихшую Таню за руку и все. И лишь во время прощания на вокзале, перед самым отправлением поезда, она, до этого мгновения старательно не глядевшая в его сторону и необычно оживленная, вдруг порывисто обняла Владимира и припала к его губам в долгом поцелуе.

Он опешил и ответил, как сумел, а она вдруг вырвалась, всхлипнула и убежала. Владимир пожал плечами и порадовался, что Алексей, целиком занятый своей зарезанной барышней, ничего не заметил. Старший брат ведь все-таки. Объясняйся с ним потом!

Он тогда долго стоял в тамбуре, уткнувшись лбом в пыльное, закопченное стекло. Разогнавшийся поезд безбожно мотало на поворотах, а он думал о Наталье. И о Татьяне.

Являлось ли все это изменой? Танцы, прогулки под луной, походы в кино. А самое главное, этот поцелуй? И вообще!.. Неужели он такой безнравственный, что любит одну, а голову морочит другой?

Положа руку на сердце, Владимир должен был признаться, что Танина влюбленность ему льстила. То, как она на него смотрела, не могло не льстить его мужскому самолюбию. Но была ли это любовь?

Увы, как ни жаль было бедную девушку, любви к ней Владимир не испытывал. И обманывать ни себя, ни ее не собирался. Он просто весело проводил время в ее компании. И не заметил, как Таня в него влюбилась. А потом уже было поздно.

«Дон Жуан несчастный!» – поморщился Владимир.

Ничего. Отпуск кончился. Он уехал. Она осталась... Все быстро позабудется. И вообще ничего такого не было. Подумаешь, поцелуй на прощание!.. Между прочим, она – сестра его товарища. Ничего и быть-то не могло!.. И прекрасно! Завтра он вернется в школу, и все пойдет по-прежнему...

И действительно, и служба, и учеба снова пошли своим чередом. Владимир и его товарищи закончили обучение на У-2. Сам он налетал на этом замечательно простом в управлении самолете двадцать пять часов и совершил полторы сотни посадок. Осенью в школе появились курсанты-новобранцы призыва тридцать седьмого года, закончившие обучение в аэроклубах. Из них и из курсантов спецнабора были сформированы две эскадрильи. Одна для обучения на истребителях И-16, а другая – на разведчиках Р-5. Курсант Пономарев был зачислен в истребительную эскадрилью.

Зимой они опять не летали, повторяя, словно по спирали, то же самое, что делали зимой предыдущей. Но теперь изучали настоящий боевой истребитель. А еще учили, только на более глубоком уровне, аэродинамику, теорию воздушной стрельбы, метеорологию, тактику ВВС, историю ВКП (б) и многое, многое другое.

Изредка до него доходили вести из Воронежа. Колька Дьяконов переписывался с Аней. И по крайней мере с его стороны это было серьезно. Алексей регулярно передавал ему приветы от Татьяны. Но Владимир только отшучивался.

Однажды он даже получил от нее письмо. Ничего особенного. Коротенькое письмецо с фотокарточкой. Окончила медучилище. Работает в больнице. Он едва узнал в этой взрослой девушке с красиво уложенной прической и серьезным взглядом ту смешливую кареглазую девчонку с бантами в косичках, с которой когда-то ходил в кино. На письмо он отвечать не стал, но и выбросить его рука не поднялась. Так оно и лежало в тумбочке рядом с несколькими письмами от матери...

Наталью Серебровскую Владимир видел очень редко. Если на выходные выпадала летная погода и назначались прыжки. Лишь тогда он мог незаметно полюбоваться ее озорной улыбкой и природной грацией. И, хотя голова у Владимира уже не кружилась, как полгода назад – каждый раз, когда он видел ладную фигурку и нежный профиль девушки, все полыхало у него внутри.

Но все же что-то неуловимо переменилось в нем за этот маленький отпуск. Повзрослел он, что ли? Но стихи сочинять не перестал:

Там,
На краю неба.
Там,
На краю моря.
Розовое с синим.
Это мое горе...
Розовое – губы.

Синее – стынть-очи.
Мне бы одну.
Ту бы.
С нею бы все ночи...

Иногда ему казалось, что Наталья обо всем уже давно догадалась и рада, что он помалкивает и не лезет к ней с признаниями, потому что он совершенно ей безразличен, и даже противен. И он ходил мрачный и отчаянно месил боксерскую грушу в спортзале.

Иногда ему казалось, что она просто издевается над ним, когда бездумно кокетничает со своими коллегами летчиками-инструкторами, и сходил с ума от ревности и месил эту грушу еще отчаянней.

Иногда он замечал ее пристальный взгляд. Ему вдруг начинало казаться, что она все понимает и жалеет его, и это злило Владимира еще сильнее. И он до посинения ворочал двухпудовые гири. Это помогало, но ненадолго. А потом, маясь от бессонницы, опять до утра сочинял глупые стихи о несчастной любви.

В конце апреля тридцать восьмого года учебная истребительная эскадрилья убыла в летние лагеря Выгода, что в сорока километрах от Одессы.

В лагерях скучать курсантам не приходилось. Владимир налетал за лето еще двадцать часов на спарке УТИ-4 и истребителе И-16, совершив еще почти полторы сотни посадок... Правда, летчик-инструктор у них был уже другой. Иосиф Хотелев в мае месяце попрощался со своими курсантами и уехал, как поговаривали, сражаться в Испанию. Вместе с ним уехало еще несколько опытных летчиков-инструкторов и командиров звеньев учебных эскадрилий. Но на их место сразу были назначены другие. И курсанты, по правде говоря, разницы практически не ощутили. Они шлифовали навыки простого и высшего пилотажа. Учились выходить из штопора, делать петли, перевороты и боевые развороты. Тренировались в ориентировке, отрабатывали элементы воздушного боя и стрельбы по наземным целям.

Кроме того, Владимир много прыгал с парашютом, с тихим отчаянием, подсчитывая часы и минуты, которые мог еще провести рядом с любимой и которые утекали, как песок сквозь пальцы. Число прыжков у него приближалось к сотне, и он сам уже давно исполнял обязанности инструктора, занимаясь с другими курсантами.

К ноябрю и он, и его товарищи окончили курс летной подготовки на И-16 и в палатках летних лагерей ждали приказа о присвоении воинского звания и назначении к новому месту службы. А в Одессе уже проходил новый набор курсантов.

Во второй половине декабря им наконец выдали документы об окончании авиашколы, присвоили воинские звания младших лейтенантов, экипировали в заветную форму и отправили в части для дальнейшего прохождения службы.

Владимир получил назначение в Забайкальский военный округ. Поп остался в авиашколе летчиком-инструктором. Алексей Маковкин и Николай Дьяконов тоже получили назначение на Дальний Восток, но по пути вышли в Воронеже, чтобы провести там положенный после окончания школы отпуск.

А Владимир поехал дальше.

Нет, он мог, конечно, остаться в Воронеже, как, например, Николай. Но в отличие от друга снова встречаться с Лехиной сестрой не решился. Он подумал, что лучше уж приехать в полк и окупаться в служебные дела, чтобы позабыть Наталью не в объятиях другой, а просто потому, что между ними будет пять тысяч верст...

И вот теперь бесстрашный сталинский сокол и парашютист младший лейтенант Пономарев, промолчав, как рыба, полтора года и так и не признавшись любимой девушке в своих

чувствах, лежал на верхней полке поезда дальнего следования, скрипел зубами и ругал себя то ли за трусость, то ли за тупость. То ли за то и за другое одновременно...

Глава 2. «В далекий край товарищ улетает...»

Транссибирская магистраль, январь 1939 г.

...«Здравствуйте, Наташа! Вас, наверное, удивит это письмо. А может, и не удивит. Простите меня, пожалуйста, за то, что я до самого отъезда так и не решился поговорить с Вами. Дело в том, что я Вас очень, очень люблю!..»

Владимир ворочался на полке в вагоне, мысленно в сотый раз, перечитывая свое письмо. Запоздалое признание в любви, которое сегодня, перед тем как сесть в поезд, бросил в почтовый ящик.

– Эй, младшой! Хорош ворочаться! Слазь с печи! Давай до нас! – позвал его снизу сосед по купе, плотный чернявый морской летчик. Судя по большому куску сала, разложенному на газете и готовому для нарезки, природный хохол. – Давай, давай, вливайся в коллектив! – повторил он, увидев, что Владимир уселся на своей полке, поджав одну ногу.

– Давай, хлопец, не журишь! Мы своих не клюем! – весело поддержал его второй моряк, такой же плотный и темноволосый, с залысинами у широкого лба. Он достал из кошелки бутылку водки и жизнерадостно улыбнулся. – Дальний Восток потому и называется дальним, что ехать туда полторы недели! Так что, давай знакомиться! Петр Галушка, летчик-торпедоносец, морская авиация! – он протянул спрыгнувшему вниз Владимиру широкую мозолистую ладонь. – Бывший донецкий шахтер. А это – мой боевой командир!

– Старший лейтенант Павел Якушенко, – представился чернявый. – ВВС Тихоокеанского флота.

– А это наше молодое пополнение. – Галушка махнул головой, показывая на сидевшего у окошка худощавого и белобрысого паренька с одной средней и одной узкой золотыми нашивками на рукаве темно-синего флотского кителя.

Тот застенчиво улыбнулся и протянул Владимиру руку:

– Лейтенант Полищук. Николай... Можно просто Коля.

– Коля у нас прямо с пылу с жару!.. Только что окончил Ейское военно-морское авиационное училище имени товарища Сталина! И, как говорится, с корабля на бал. То есть с бала на корабль! А, впрочем, это две стороны одной медали! – Галушка чиркнул ножом по сургучу и ловко откупорил поллитровку.

– Владимир Пономарев. Летчик-истребитель. Окончил Одесскую авиашколу... – по очереди пожал протянутые руки Владимир.

– Куда следуешь? – бережно шинковал сало Павел.

– Чита.

– Понятно, – улыбнулся Галушка и разлил всем поровну. – Ну, за сталинских соколов! И морских, и сухопутных!.. За альбатросов и орлов!..

– За знакомство! – Владимир выпил, поставил стакан и взял протянутый Павлом шматок искрящегося солью сала, аккуратно уложенный на ломоть черного хлеба. Понюхал и только потом неторопливо откусил. Владимир отчего-то считал, что именно так должны пить настоящие асы.

– Молодец! – усмехнулся Галушка и залпом опустошил свой стакан.

Остальные тоже выпили.

– Значит, выпускник? – спросил Якушенко.

– Ну да! – ответил Владимир. – В декабре звание присвоили.

– Я смотрю, ты много прыгал! – Якушенко махнул ножом в сторону значка парашютиста с цифрой «100» на подвеске.

– Да, вышло так. Парашютный кружок был при школе...

– А я не люблю прыгать, – сказал Петр Галушка. – Летать люблю, а прыгать – нет! Летчик летать должен, а не прыгать! Правильно я говорю, командир?

– Всяко бывает... Сам-то откуда? – поинтересовался Павел у Владимира.

– Новосибирск.

– Сибиряк, значит. А мы с Петро из Луганска, то бишь Ворошиловграда. А ты, Коля? – Якушенко разлил по стаканам остатки водки.

– С Урала. Из Оренбурга, – ответил тот.

– А как в морскую авиацию-то попал? У вас же там, в Оренбурге, своя летная школа есть, сухопутная? – удивился Галушка.

– Направили по комсомольской путевке. А я и не возражал. Море – это красиво. Я ведь раньше моря никогда не видел. А тут – пожалуйста, смотри, сколько хочешь, – улыбнулся Николай.

– Ну, за тех, кто в море! – Галушка поднял свой стакан и подмигнул Владимиру и Николаю. – И за тех, кто над!

Старшие лейтенанты Павел Якушенко и Петр Галушка служили в одной эскадрилье четвертого минно-торпедного авиаполка двадцать девятой тяжелобомбардировочной авиабригады военно-воздушных сил Тихоокеанского флота. Якушенко был замкомэска, а Галушка командовал звеном. Однополчане возвращались в родную часть после учебно-тренировочных сборов летчиков-торпедоносцев на базе Ейского военно-морского авиаучилища.

В Ейске они отрабатывали приемы высотного и обычного торпедометания, в том числе и ночного, по лунной дорожке. Летали и в простых, и в сложных метеоусловиях.

Занятия проводил капитан Токарев, комэска сорок третьей эскадрильи и лучший торпедоносец ВВС Черноморского флота. Горячий поклонник торпедного оружия и новой тактики поражения морских целей, Николай Токарев очень много занимался этими вопросами. С каждым полетом, усложняя для себя и для своих летчиков условия торпедометания, он искал и находил новые приемы сближения с противником, способы определения упреждений, наиболее выгодные дистанции для поражения движущихся и маневрирующих кораблей, тщательно изучал штурманскую работу на торпедоносцах.

Токарев окончил Качинскую авиашколу, но потом долгое время служил летчиком-инструктором в военной школе морских летчиков и летнабов в Ейске. Был командиром звена, а затем командиром авиаотряда. Подготовил более двухсот морских летчиков. За успехи в обучении молодых пилотов торпедометанию в феврале минувшего года был награжден орденом «Знак Почета».

Так что учить Токарев умел. Более того, ему это нравилось. Поэтому и Павел, и Петро ехали назад, на Тихий океан, не только надежно усвоив новые тактические приемы, но и с огромным желанием передать полученные навыки своим товарищам и подчиненным.

Короткий отпуск после сборов, проведенный ими в родном городе, лишь разогрел в них стремление побыстрее вернуться в полк и приступить к полетам...

А пока поезд дальнего следования «Москва – Владивосток» вез их через всю страну, сквозь заснеженные горы и леса, и широкие, застывшие в ожидании весны, реки и степи. А в купе оживленно обсуждались различные авиационные новости. И самые последние, и не очень.

Лишь нелепая гибель Валерия Чкалова три недели назад во время испытаний нового истребителя по молчаливому согласию не упоминалась. Слишком уж свежей и болезненной была эта тема.

Зато очень много говорили о дальнем беспосадочном перелете Владимира Коккинаки и Александра Бряндинского из Москвы до Спасска-Дальнего на самолете ЦКБ-30 «Москва» – модернизированном для перелета серийном дальнем бомбардировщике ДБ-3 конструкции

Ильюшина. Галушка и Якушенко летали именно на таком бомбардировщике, и тема была для них очень близкой.

– Восемь тысяч километров! Сутки за штурвалом! – восхищался Галушка. – Это какие же руки надо иметь! Тут после восьмичасового полета висят как плети, – он потряс своими широкими ладонями. – А ведь это не простые руки, а шахтерские! Ты знаешь, что такое отбойный молоток? – повернулся он к Владимиру. А потом к Николаю. – А ты?

– Да, – соглашался с ним Якушенко. – ДБ-3 в полете болтает, будь здоров! Во всех плоскостях! А высота! Ведь все время в кислородной маске идешь! А слепой полет часами! Это какой штурман нужен! А дальность! Восемь тысяч километров!

– Если надо, Коккинаки долетит до Нагасаки!.. – сильно фальшивя, пропел строчку из известной песенки Галушка.

– И до Нагасаки, и до Берлина, и до Лондона, и до Нью-Йорка, если надо будет! – сказал как отрезал замкомэска Якушенко. – И до тонны бомб может прихватить!

– А у нас в спецроте учился младший брат Владимира Коккинаки, Сашка, – сказал Владимир.

– У них вся семья – летчики. Все три брата, – ответил Якушенко. – Я как-то в санатории отдыхал вместе с Костей Коккинаки. Он у нас на ТОФе служил летчиком-истребителем, до того как перешел на испытательную работу...

Поговорили они и о другом недавнем беспосадочном перелете из Москвы на Дальний Восток – рекордном перелете женского экипажа Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марины Расковой на самолете ДБ-2 «Родина».

– Бардака было слишком много... – сказал Галушка. – Когда они потерялись, мы с Павлом тоже на их поиски летали. Да не нашли, слава богу! А то, хрен его знает, что было бы... Знаете, как комбриг Бряндинский, Герой Советского Союза, убили? Светлая ему память... Полетел их искать на «Дугласе» с журналистами из газеты «Тихоокеанская звезда». Хотя самолет уже нашли, и можно было не торопиться. Но не усидел... А может, поторопили, – он махнул рукой неопределенно. – А там еще и ВВС второй отдельной Краснознаменной армии летали. ТБ-3 с десантом... Ну, они им хвост и подрезали. Все, кто в «Дугласе» был, – вдребезги. А из ТБ четыре парашютиста выпрыгнуть успели... – он покосился на значок на груди у Владимира. – Нам потом знакомый рассказывал, он там был и видел, как «Дуглас» обоими моторами врубился в заднюю часть фюзеляжа и в хвост ТБ. И, разламываясь, посыпался на землю. – Галушка пустил в ход ладони, показывая, как было дело. – А ТБ крутанулся волчком, опустил нос, перевернулся на спину, затем на живот, опять на спину... Так все там и остались, в тайге. Пятнадцать человек...

Петр молча залез в кошелку и достал еще одну бутылку. Молча разлил поровну. И также молча выпил. И остальные тоже.

– Смелые девки... Что тут скажешь! Раскова десять суток по тайге блукала. А это – ой-ой-ой! У нас там и медведи, и тигры попадают. А у нее только две обоймы на все про все! Повезло, что уцелела... – Якушенко закусил салом и продолжал развивать мысль: – Но, если честно, не женское это дело на дальнем бомбардировщике летать. – И посмотрел на своего однополчанина. – Вон, даже у шахтера руки отнимаются! А тут девчонки. Как вообще долетели, непонятно...

– Это же наши советские девушки! – сказал Коля и покраснел.

Якушенко посмотрел на «вьюношу» с искренней жалостью взрослого, выдавшего виды, двадцатилетнего мужчины, но промолчал и только махнул рукой. Бабам не летать, а рожать надо, да детей воспитывать. Он вот свою отвез к родителям, воспользовавшись оказией.

Уже на сносях его Галина. Через месяц сроки. А он оставил ее у отца с матерью и уехал. Служба! Что поделаешь... Пусть уж лучше здесь рожают, чем в военном городке. Тут

за ней хотя бы присмотрят. И вообще молодая мать! Мало ли что! Будет кому подсказать, научить. Они, конечно, и от природы все сами знают, как с дитем управляться, но так все-таки спокойнее. Эх, Галю, Галю!.. Нескоро теперь повидаемся.

Петр Галушка встал и ушел в тамбур курить. Якушенко посмотрел ему вслед.

У Галушки своя беда... Обычная, летчицкая: муж летает, а интенданты в канцеляриях сидят, да на чужих жен карандаши точат. А бабам плевать, что у мужа героическая профессия. Им нужно, чтобы муж каждый день на работу ходил и каждый день вечером с работы домой возвращался. Им нормальную семью подавай. А откуда ей взяться! Если мужа то в Испанию на полгода, то в Китай, то на учения, то на сборы, то на Тихий океан, то на Северный Ледовитый...

Вон комбриг Тхор, пять орденов имеет! Охренеть! А толку? Мужики на сборах рассказывали, что он со своей и сходил, и расходился, и женился, и разводился... Она даже ребенка ему родила в какой-то просвет между его командировками на войну. А потом сошлась с бывшим начальником политуправления ЗабВО дивкомиссаром Васильевым и сбежала с ним, пока муж в очередной длительной спецкомандировке пропал. Вот так! И ни ордена, ни звания не помогли. Он потом даже ездил ее разыскивать в Европейскую часть Союза. Интересно, нашел или нет?..

Галушка накурился и вернулся в купе.

«Эх, Петр Никанорович, Петр Никанорович!.. И ведь хороший мужик! – думал Якушенко, глядя на друга. – Отличный летчик! Надежный товарищ... Ну, выпивает иногда. Так кто же не выпивает? Жизнь такая! Зато хозяйственный и по бабам не бегаёт. А вот досталась ему шалава, и развязаться никак с ней не может... Лариса... Хоть бы уже сбежала с кем-нибудь насовсем, как у Тхора, так нет! Гуляет и пьет кровь из мужика! И никакой на нее управы нету. Сейчас приедем – опять какая-нибудь история. Ну и мела бы подолом, раз нейметя!.. Да только поаккуратнее! Чего же так наглеть-то?..»

– Павло, тут ребята в соседнем вагоне знакомые едут, – сказал Галушка. – Из сто пятнадцатого морского разведывательного и четырнадцатого истребительного. Сашка Василенко, Колька Сухорученков, Вовка Малахов... В гости приглашают. Я обещал... Пошли, сходим! Надо боевую дружбу укреплять!..

Якушенко посмотрел на Владимира и Николая:

– Так, ребята! Мы вас тут ненадолго на хозяйстве оставим. А сами к соседям наведаемся, обстановку разведем. Если что, вы потом подтянетесь. Лады?..

Молодые только плечами пожали, дескать, не вопрос. Галушка и Якушенко, прихватили початую бутылку и ушли в соседний вагон.

Владимир сходил к проводнику и принес чаю себе и Николаю. А потом они уселись возле темного окна, друг напротив друга, и разговорились, почуяв родственные души. А поговорить было о чем...

Николай Полищук был влюблен по-настоящему и безнадежно. Потому что Ирина, девушка с которой он дружил на гражданке, вышла замуж за другого, пока он учился на пилота.

Они долго переписывались. Но потом письма из Оренбурга приходят перестали. А однажды дневальный, стараясь не глядеть в глаза, передал Николаю, пришедшую с последней почтой открытку. От соседки Ирины по заводскому общежитию. Не особо церемонясь, она писала, что ей надоело выбрасывать его письма в мусорное ведро. И сообщила, что Ирина уже с полгода, как вышла замуж за какого-то инженера, сменила фамилию и уехала в другой город. И даже адреса не оставила...

Хотя в Николае характер угадать было трудно, пережить это предательство он сумел. А ведь многие ребята, внешне более крепкие, чем он, от таких историй и стрелялись, и веша-

лись... Был все-таки в этом худошавом пареньке свой стержень. Как стальная арматура в бетоне.

Ирину он простил потом... Наверное, ей было очень трудно одной. А может быть, она действительно встретила свою любовь. Ведь сердцу не прикажешь... Николай вот так и не смог приказать своему сердцу ее разлюбить.

Он достал маленькую фотокарточку, наверное, от заводского пропуска, и показал Владимиру.

Ну что сказать?... С карточки на Владимира смотрела круглолицая, миловидная женщина с тугой косой, загадочной улыбкой и вызывающим прищуром глубоких глаз. Если бы Владимир не был так сильно влюблен в Наталью, быть может, и он обратил бы внимание на такую красавицу. Он вздохнул и отдал фото назад. Раздобыть фотокарточку Натальи ему так и не удалось...

Пройдет несколько лет, он состарится и позабудет любимое лицо. Так и будет жить. Без любви... Глупо, несчастно, безрадостно... Пока его не собьют в жестоком бою, или он сам не убьется в какой-нибудь аварии. А может, он прославится. И тогда, однажды, весь в орденах и в бинтах, приедет в родную Одесскую авиашколу, выйдет на трибуну, и она наконец-то поймет, какой он герой, и по-настоящему его полюбит!..

В этот момент дверь купе, громко лязгнув, отодвинулась, и на пороге показались Петр и Павел в компании еще нескольких моряков.

Пока Николай и Владимир под печальный стук вагонных колес предавались грустным воспоминаниям о своей несчастной любви, боевые друзья успели как следует пообщаться, дотить то, что имелось, и даже сходить в вагон-ресторан за добавкой.

А потом у Галушки вдруг проснулась совесть, и он вспомнил, что они оставили без присмотра двух «желторотиков». Сгрести все со столика и перебазироваться назад, в свое купе, труда не составило.

Сразу стало тесно и весело... Ребята быстро перезнакомились.

Старший лейтенант Малахов был командиром звена в четырнадцатом ИАПе, а лейтенанты Василенко и Сухорученков служили в сто пятнадцатом МРАПе в одной эскадрилье и летали на гидросамолетах МБР¹.

– Летящие лодки! – многозначительно поднял указательный палец Сашка Василенко. – Поэтому и ходим, и летаем.

– Низэнько и тихэнько, – закончил вместо него Галушка. И все купе покатилося со смеху.

– А то! – согласился Сашка. – МБР! Летай пониже – Мама Будет Рада!

– Точно! – подтвердил, утирая слезы, Петро.

– Между прочим, на нашей лодке Полина Осипенко установила три международных женских авиационных рекорда, а потом вместе с Верой Ломако и Мариной Расковой от Севастополя до Архангельска долетела! На морской машине над сушей! – махал указательным пальцем Сашка. – Две с половиной тысячи кмэ! Международный женский рекорд дальности!

– Дура! – потрепал его за чуб Галушка. – Це ж дывчинова рикорда!

– Ну и что! – не сдавался Сашка. – Нет, ты машину оцени!..

– Мамо Будэт Рада!.. – успокоил его Галушка. И все опять покатилося со смеху...

Четвертый моряк, их сосед по купе, летчиком не был, и даже моряком мог считаться с большой натяжкой, и то только потому, что когда-то окончил Ленинградское военно-морское

¹ ИАП – истребительный авиационный полк. МРАП – морской ракетноносный авиационный полк. МБР – морской ближний разведчик.

училище имени товарища Фрунзе. На самом деле он оказался речником. Хотя, впрочем, тоже своим, Дальневосточным.

– Старший лейтенант Ревякин! Краснознаменная Амурская военная флотилия! – он положил левую ладонь поверх своих вихров и лихо отковырял правой. – Отзываюсь на имя Александр! – И вдруг широко улыбнулся. – А в кругу товарищей – просто Шурка!

Как потом выяснилось, Шурка хоть и был речником, но ходил на большом корабле (экипаж почти как у эсминца, а водоизмещение лишь чуть-чуть меньше!). Он был старпомом на бронированном четырехбашенном мониторе «Сун-Ят-Сен», который с гордостью называл речным линкором!

Все собравшиеся были молодые и веселые парни. И выпить не дураки. Анекдоты сыпались один за другим, а тосты становились все витиеватей и витиеватей...

За неделю, которая потребовалась, чтобы доехать от Москвы до Читы, Владимир крепко подружился с моряками. Время они провели с пользой, и Владимир узнал много нового о флотской службе вообще и о службе в морской авиации, в частности.

Когда, подхватив свой фибровый чемоданчик, он вышел на промерзший перрон Читинского вокзала, ребята пошли его провожать всей гурьбой. Но стоянка была недолгой, и полчаса спустя младший лейтенант Пономарев остался один на один со своим неизвестным будущим.

В Чите было очень холодно. Градусов сорок, наверное. Оказалось, что за два года Владимир уже отвык от настоящих сибирских морозов.

«Ну что ж, будем привыкать заново!» – подумал он и отправился на поиски штаба Забайкальского военного округа.

Найти его было несложно. Похоже, о том, где он расположен, в городе знала каждая собака, а не только постовые милиционеры. Владимир доложил дежурному, рассчитывая, что ему тут же выдадут бумагу с назначением и отправят к месту дальнейшей службы.

Полковник посмотрел на наивного младшего лейтенанта с нескрываемой иронией:

– Завтра явитесь в отделение кадров. Там с вами и разберутся, товарищ младший лейтенант! И, если повезет, то к пятнице, быть может, ваши бумаги и оформят. Так что мой вам совет, становитесь на довольствие до конца недели.

Владимир козырнул и пошел искать командирскую гостиницу...

Все так и вышло, как говорил умудренный жизненным опытом полковник. Документы были готовы только к концу недели. Все это время младший лейтенант Пономарев регулярно являлся к девяти утра в штаб, а потом, несолоно хлебавши, возвращался в гостиницу и заваливался на койку.

Он лежал и смотрел в стенку. Иногда, только для того, чтобы заснуть, читал Наставление по стрелковому делу, забытое в гостиничном номере кем-то из его предшественников.

А дело было в том, что Владимир только сейчас сообразил, что не написал на своем запоздалом письме-признании обратного адреса. Потому что его тогда не знал. Поэтому, даже если бы Наталья и захотела ему ответить, то все равно не смогла бы...

Долго ли, коротко ли, но он получил-таки свое назначение. Младшим летчиком в двадцать второй истребительный авиаполк, который дислоцировался в районе станции Безречная. В командирской столовой он много чего наслушался об этом месте. Но, честно говоря, ему было абсолютно все равно, где служить.

Потому что последняя призрачная надежда хоть когда-нибудь встретиться с любимой, надежда на то, что она хоть когда-нибудь ответит на его чувства, растаяла окончательно, оставив его в полном и беспросветном отчаянии. Написать второе письмо, не зная, дошло ли и как было воспринято первое, он попросту не решался.

Вот такие невеселые дела.

Когда Наталья распечатывала этот конверт без обратного адреса, сердце ее стучало так громко, что, наверное, было слышно даже на улице.

«Неужели это от него?!..»

А потом пробежала глазами первые строчки, вернулась назад, снова и снова перечитывая долгожданные слова.

«Здравствуйте, Наташа!»

«Здравствуй!..»

«Вас, наверное, удивит это письмо».

«Нет, не удивит...»

«А, может, и не удивит».

«Не знаю...»

«Простите меня, пожалуйста, за то, что я до самого отъезда так и не решился поговорить с Вами».

«Не прощу!..»

«Дело в том, что я Вас очень, очень люблю!..»

«Прощаю...»

«Это случилось в мае прошлого года, когда я увидел Вас впервые на аэродроме. Вы меня не заметили тогда».

«Между прочим, заметила...»

«Я понимаю. Обычный курсант, каких сотни».

«Да, но только ты смотрел на меня так, как никто и никогда!..»

«Но в моей жизни все в этот миг перевернулось! А я не мог ничего Вам сказать, потому что язык у меня отнимался и колени подгибались каждый раз, когда Вы на меня смотрели».

«Глупый, глупый, глупый...»

«А потом был этот неудачный прыжок, и Вы поцеловали меня в первый раз!»

«Да, я чуть с ума не сошла тогда от страха!..»

«Тогда у меня вообще все закружилось перед глазами, как у пьяного».

«Глупый!..»

«Я даже стихи начал писать, но никому не мог их прочитать. Чтобы никто не узнал о том, что я Вас так сильно люблю».

...Мне бы научиться рисовать,
Я бы Ваш портрет нарисовал,
Нежных линий неземной овал
Тонкой кистью я бы написал...
...Мне б хоть что-то в песнях понимать,
Я б тогда, быть может, написал
Нежных линий неземной овал
И его на струнах наиграл...
...Если б я умел стихи писать,
О любви своей бы рассказал.
Нежных линий неземной овал
Тихой строчкой я бы написал...»
«Боже мой! Неужели это мне?!..»

«А потом было очень много прыжков, но я так и не посмел с Вами заговорить. Хотя считал каждую минуту рядом с Вами, чувствуя, как они исчезают и проходят».

«И я тоже это чувствовала...»

«И вот меня распределили на Дальний Восток, и я еду сейчас в поезде, и думаю только о Вас и о том, что мы никогда больше не встретимся!»

«Ну, уж нет! Не бывать этому!.. Я тебя никому не отдам!..»

«Простите меня, пожалуйста, за это письмо, если оно опоздало».

«Не опоздало...»

«На самом деле мне гораздо проще сделать затяжной, чем опустить его в ящик. Но я дал себе слово, что обязательно его отправлю».

«Попробовал бы только не отправить!..»

«Потому что я Вас очень, очень люблю!..»

«И я люблю тебя очень-очень-очень...»

Глава 3. «Служили два товарища, ага...»

Забайкальский военный округ, март 1939 г.

Все произошло совершенно внезапно.

Позднее Владимир нещадно ругал себя за то, что его занесло тогда в штаб эскадрильи. Но, с другой стороны, зачеты по матчасти он уже сдал, и на аэродроме ему делать было нечего. Потому что к полетам его еще не допустили. И хотя он и ругал себя всякими разными словами, вспоминая это роковое утро, в другом месте он оказаться попросту не мог. Потому что надо было готовиться к зачету по технике пилотирования, для чего зайти в секретку и получить «Наставление по производству полетов».

Вот почему вместо того, чтобы помогать механикам обслуживать мотор или зубрить расположение приборов в кабине «ишака», он, на свою беду, оказался в штабе.

И нарвался.

– Товарищ младший лейтенант! Почему не приветствуете командира, как положено? – услышал Владимир за своей спиной начальственный окрик. Повернувшись, он увидел знакомые бесцветные глаза, холеные бакенбарды и тонкие усики старшего лейтенанта Ледневича. – В чем дело? Вы что, устав позабыли?

– У меня же нет глаз на затылке, – сказал Владимир. И прикусил язык, но было уже поздно.

– Как отвечаете старшему по званию?! – заорал, заводясь с полоборота, Ледневич. – Под арест захотели?

– Какой еще арест? Ты что, белены объелся? – не сдержался Владимир.

– Вы мне не тыкайте, товарищ младший летчик! Я адъютант эскадрильи! – визжал Ледневич. – Как вы смеете так разговаривать с начальником? Я вас проучу! Это вам не авиашкола!

– Извините, товарищ адъютант, я вас не заметил. И попрошу на меня не орать, – как можно спокойнее сказал Владимир.

Как ни странно, тон Ледневич понизил. Но слова его были пропитаны ненавистью:

– Как адъютант эскадрильи, я отстраняю вас от полетов! За нарушение Устава Красной армии! На неделю... Вы будете назначены дежурным по старту. Я немедленно подаю рапорт комэска! Решение о вашей дальнейшей судьбе будет принимать он. – Ледневич злобно прищурился. – И поверьте, я вам не завидую! – С этими словами он повернулся и направился в кабинет комэска.

Владимир обреченно посмотрел ему вслед и с тоской подумал о том, что к самостоятельным вылетам его теперь допустят очень и очень не скоро.

Когда по прибытии в полк Владимир Пономарев был направлен для прохождения службы в первую эскадрилью и узнал, что старший лейтенант Ледневич в этой эскадрилье служит адъютантом, в его душе шевельнулось недоброе предчувствие. Но ничего поделать было уже нельзя.

Эдуарда Ледневича он знал давно. Они вместе учились в восьмой Одесской авиашколе пилотов. Ледневич был старше на один курс и выпустился на полгода раньше Владимира, в мае тридцать восьмого. Учился он неплохо, подход к начальству находить умел и при выпуске получил по два кубаря на каждую петлицу, а не по одному, как многие другие.

Позднее ему рассказали, что лейтенант Ледневич и в эскадрилье быстро сумел найти общий язык с начальством – комэска капитаном Куцепаловым и его закадычным дружкой и заместителем старшим лейтенантом Иванищевым.

Рыбак рыбака видит издалека. Куцепалов делил спирт, отпускаемый на обслуживание матчасти, далеко не в равных долях. И большую из них оставлял себе, чтобы потом употребить в компании своего земляка и собутыльника Иванищева.

Прибыв в эскадрилью, Ледневич сразу смекнул, что к чему. Сначала он подольстился к заму, а затем и к самому комэска. Так что вскоре был допущен в их теплую компанию и стал выполнять обязанности штатного мальчика на побегушках.

Когда Куцепалов пошел на повышение, а это сейчас происходило пугающе быстро, Иванищев был назначен на его место, а Ледневич стал адъютантом эскадрильи. При этом с подачи Куцепалова и тот, и другой незамедлительно получили очередные воинские звания. Иванищев стал капитаном, а Ледневич – старшим лейтенантом.

Владимир не сошелся характером с ним еще в авиашколе. Впрочем, это было совершенно нереально, настолько они были разными.

В отличие от высокого, светловолосого и белоглазого «чухонца», как метко прозвали Эдуарда Ледневича в авиашколе однокашники, Владимир Пономарев был плотным шатеном среднего роста с карими глазами.

Ледневич по документам числился украинцем, но больше смахивал на прибалта. Во всех анкетах он указывал национальность матери, которая действительно была украинкой. А вот о том, что его отец, сгинувший где-то еще в Гражданскую, был поляком с большой примесью еврейской крови, как это довольно часто бывает в Малороссии, Ледневич благо разумно помалкивал, ссылаясь на отсутствие каких-либо сведений.

Владимир Пономарев тоже рос без отца, но это, пожалуй, было единственным, чем походили их судьбы друг на друга.

Один родился в столице, окончил десять классов и два курса Московского института кооперативной торговли. Другой – сибиряк, за спиной у которого – семилетка, школа фабрично-заводского ученичества и слесарный верстак в железнодорожном депо. У одного хватки проныры-приказчика. Другой – скромный рабочий парень с заводской окраины.

Эдуард Ледневич придавал огромное значение своей внешности, считая себя записным сердцеедом. Что, впрочем, было недалеко от истины. Потому что глупые девчонки во все времена отчего-то чаще влюбляются именно в таких, как он. Высоких, голубоглазых и эгоистичных красавцев. И летят как мотыльки на огонь, чтобы сгореть.

По словам самого Ледневича, на его счету было больше разбитых сердец, чем звезд на небе. Он вообще редко упускал случай похвастаться в курилке очередной реальной или выдуманной победой.

Владимир Пономарев к девушкам относился совершенно по-другому. И своего отношения к рассказам Ледневича никогда не скрывал. Так что схлестнулись они однажды не на шутку.

Потому что этот подонок посмел упомянуть ее чистое имя!

Хорошо, что товарищи удержали тогда Владимира. Спасибо им, потому что изуродовал бы он тогда «чухонцу» его ненавистное холеное лицо. И не видать бы тогда Владимиру заветных крылышек на рукаве. Слишком людно было вокруг. Зато однажды, в увольнительной, повстречались они в городском парке почти без свидетелей.

Впрочем, Владимир был не один, а с друзьями-однокашниками – Витькой Поповым, Колькой Дьяконовым и Лехой Маковкиным. Но это были свои в доску, на сто рядов проверенные ребята. Уйти «чухонцу» они не дали, хотя сами в дело ввязываться и не стали, предоставив Владимиру возможность самостоятельно с ним разобраться.

Ледневич здорово струхнул, когда его на темной аллее обступили четыре крепыша. А когда понял, что Владимир хочет драться один на один, слегка обнаглед, рассчитывая на свой рост, длинные руки и атлетическую подготовку. Впрочем, это ему не помогло.

Ох, как хотелось тогда Владимиру размазать нос по шляхетской физиономии! Однако контроля над собой он не потерял и бил сильно, но аккуратно, как на ринге. И только по корпусу. Через пару минут Ледневич уже корчился в пыли. Пинать его не стали, хотя и здорово подмывало. А, уходя, предупредили, что если он, не дай бог, настучит начальству о происшедшем, в следующий раз его точно не пожалеют.

Ледневич стучать не стал. Но с тех пор в курилку заглядывал редко. А когда заглядывал, то уже помалкивал. Ребята думали – поумнел. А он просто затаился. И вот теперь мстит, как только может. Потому что власть появилась.

До последнего времени Владимиру как-то удавалось избегать открытых стычек со своим недругом. Но, ясное дело, долго это продолжаться не могло.

Как и следовало ожидать, комэска полностью поддержал своего прихлебателя. Более того, еще и от себя лично добавил. И превратился младший лейтенант Пономарев в «вечного» дежурного...

Минула неделя, за ней другая, третья, а Владимир так и бегал вдоль старта с флажками, как гусь с подрезанными крыльями по хозяйскому двору. А в небо – ни-ни.

Летчики его уже не подкалывали. То ли привыкли, то ли жалели по-своему.

Когда из полка прилетел связной У-2, Владимир, как и положено, стоял на старте. Увидев вылетающего из самолета военкома полка, он вдруг понял, что это его единственный шанс вернуться в небо.

Военный комиссар двадцать второго истребительного авиаполка двадцать третьей смешанной авиабригады Забайкальского военного округа старший политрук Калачев слыл человеком строгим, но справедливым.

До армии он жил в Ленинграде и работал слесарем на заводе «Красный путиловец», том самом, знаменитом Путиловском заводе, рабочие которого брали Зимний дворец в далеком семнадцатом году. Рабочая закалка осталась у Калачева на всю жизнь.

По комсомольской путевке он поступил на учебу в Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС, а в декабре тридцать четвертого окончил военную школу летчиков в городе Энгельсе, что на Волге.

Службу Калачев знал. Потому что прошел все ступени служебной лестницы. Был младшим, а затем старшим летчиком, командовал звеном, потом был заместителем командира истребительной эскадрильи.

Красная комиссарская звезда на рукаве появилась у него совсем недавно. Военкомом полка его назначили всего три месяца назад. При этом был учтен и большой партийный стаж, и настоящий командирский авторитет, который, несмотря на молодость, а было ему всего двадцать восемь, Калачев уже успел заработать.

За дело он брался круто и спуску никому не давал. Летчики очень быстро признали вожака в этом невысоком, но крепком блондине со стальным взглядом.

Когда Калачев спрыгнул с крыла, Владимир решился. Он подошел к военкому и приложил руку к козырьку буденовки:

– Разрешите обратиться, товарищ старший политрук!

Калачев снял летный шлем, достал из кабины фуражку, и надел ее, автоматически проверив ребром ладони, правильно ли она сидит:

– Обращайтесь!

– Младший летчик Пономарев!.. Только какой я летчик? Мне и летать-то не дают...

– Что значит – не дают? – нахмурился Калачев.

– Да, вот... Назначен «вечным» дежурным, товарищ старший политрук, – потупился Владимир.

– Смирно! – подбежал к самолету комзвена Пьянков и лихо откозырял. – Товарищ военный комиссар полка, первая эскадрилья выполняет плановые полеты на отработку пилотажа в зоне! Происшествия нет! Командир звена лейтенант Пьянков!

Калачев поднес руку к фуражке, отдавая честь, и скомандовал:

– Вольно!

– Вольно! – отрапортовал Пьянков.

– Здравствуйте, товарищ лейтенант. – Калачев снял краги и протянул ему руку.

– Здравствуйте, товарищ старший политрук! – пожал крепкую ладонь Пьянков.

– Подмените-ка дежурного по старту, лейтенант. Он мне нужен, – сказал Калачев.

– Есть!

– За мной! – военком махнул Владимиру рукой и направился в штаб эскадрильи.

Иванищева он знал хорошо. Еще по прежним временам, когда оба были замкомэска в этом же полку.

Григорию Аникиевичу Иванищеву было уже тридцать пять, но он все еще ходил в капитанах. И это, когда кругом люди росли в званиях, как грибы после дождя.

А дело было в том, что грамотность у Иванищева хромала на все четыре копыта.

Родился и вырос он в глухой сибирской деревушке. Сначала батрачил на односельчан, а потом работал чернорабочим в Омском железнодорожном депо. Пару зим проучился в церковноприходской школе. Она да еще полковая школа младших командиров в кавалерийском полку – вот и все его университеты. Впрочем, в партию большевиков отделкому Иванищеву это вступить не помешало, а даже наоборот.

В армию его призвали в двадцать пятом году, когда был принят Закон о военной службе. Однако в конце двадцатых демобилизовали из-за полной бестолковости.

Он вернулся в Омск и устроился работать конюхом. Лошадей Иванищев понимал и любил с детства. Он и по сей день работал бы на конюшне, если бы не случайная встреча с земляком, которая повернула его жизнь в другую сторону.

Всем своим положением Иванищев был целиком обязан одному человеку – Федору Тимофеевичу Куцепалову.

Когда они однажды нос к носу столкнулись на привокзальной площади, то сразу узнали друг друга, хотя давным-давно не виделись. Были они одногодками и когда-то вместе гоняли лошадей в ночное. Но Иванищев до сих пор лошадям хвосты крутил, а Куцепалов был уже командиром отдельного авиаотряда и носил четыре квадрата на петлицах.

После очередной поллитры, распитой за встречу старых друзей, он неожиданно предложил Иванищеву вернуться в кадры Рабоче-крестьянской Красной армии. Причем, не просто вернуться в армию, а поступить в военно-воздушные силы!

Куцепалов призывался одновременно с Иванищевым. И служили они тоже вместе. В тридцать девятом Мелекесско-Пугачевском кавалерийском полку второй бригады седьмой Самарской кавалерийской дивизии имени Английского пролетариата. Вместе учились они и в полковой школе. А затем командовали кавалерийскими взводами в одном эскадроне.

Потом, правда, их пути разошлись. В двадцать девятом году одного демобилизовали, а другого перевели в авиацию. Весной тридцатого Куцепалов окончил первую военную школу летчиков имени товарища Мясникова в Каче. А уже через полгода его назначили командиром звена...

Аргументы в пользу своей идеи Куцепалов приводил очень убедительные.

И действительно, биография у Григория Иванищева была самая, что ни на есть подходящая. Происхождение – пролетарское. Опять же – партбилет в кармане. Десять лет партийного стажа – это вам не хухры-мухры! И вообще все как по заказу! Бывший красный командир! Кавалерист! Полковую школу окончил? Окончил! Эскадронам командовал? Командовал! Осталось только летать выучиться. Все остальное Куцепалов брал на себя.

Иванищев еще с детских лет привык, что тот во всем верховодит. Поэтому, когда была допита следующая бутылка, махнул рукой и согласился.

На другой день он пошел в райком партии и выпросил путевку в аэроклуб. С горем пополам его окончив, Иванищев получил пилотское свидетельство, сел в поезд и направился напрямик к Куцепалову, который принял друга дорогого с распростертыми объятиями, оформил необходимые бумаги и со всеми обо всем договорился.

Через месяц новоиспеченный командир звена Иванищев вступил в должность, а через год, после введения в Красной армии персональных званий, получил воинское звание старший лейтенант...

То, что военкомом назначили не его, а Калачева, у которого партийный стаж был почти вдвое короче, Иванищев воспринял болезненно. Майор Куцепалов, временно исполнявший обязанности командира бригады, но пока еще не утвержденный в новой должности, ничем не мог помочь старому другу. Но клятвенно обещал при первой же возможности замолвить наверху за него словечко.

Калачев посмотрел на молодого летчика, идущего на полшага позади, и подумал, что Иванищев явно парня за что-то невзлюбил. На него это было похоже. Невзлюбил человека и затирает теперь. Дурит, пользуясь отдаленностью от полка.

Военком вспомнил, как совсем недавно этот младший лейтенант представлялся ему по прибытии и, между прочим, произвел неплохое впечатление. Сибиряк. Из рабочих. Слесарь. И начальник авиашколы дал ему хорошую характеристику. Сто прыжков с парашютом – это тоже что-то значит! Надо во всем, как следует, разобраться, решил он и снова посетовал, что до сих пор в эскадрилье нет комиссара. Парторг, старшина Николаев, в общем, справлялся с делами, но, понятное дело, комэска, будучи его прямым начальником, не очень-то с ним считался.

«Вовремя товарищ Сталин предложил восстановить институт комиссаров. Ох, как вовремя! – подумал Калачев. – Именно для того, чтобы таких самодуров, как Иванищев, в руках держать!»

Комэска уже успели доложить о прибытии военкома полка, и он встретил его на крыльце штаба с рапортом.

Калачев хмуро слушал с ладонью, застывшей у козырька фуражки.

Иванищев закончил доклад, и все трое зашли внутрь. При этом комэска довольно выразительно посмотрел на Пономарева, но тот сделал вид, что не заметил этого прозрачного намека.

В штабе за столом с необычно деловым выражением на холеном лице сидел старший лейтенант Ледневич. При виде военкома он вскочил по стойке «смирно» и замер, поедая начальство глазами.

Ледневича Калачев знал хуже, чем Иванищева, но информация о том, что комэска и адъютант в первой эскадрилье сошлись характерами на почве бытового пьянства, к военкому поступала уже несколько раз.

«Пора, пора наводить порядок в эскадрилье...» – снова подумал он.

– Вольно! – Калачев поморщился и повернулся к Иванищеву. – Что это у вас тут за «вечные» дежурные появились?

– У нас «вечных» дежурных не бывает, Владимир Николаевич. Только «вечные» двигатели. Давно менять пора, а мы все летаем и летаем, – попытался отшутиться тот.

Но Калачев не принял игру и молча смотрел на комэска.

Пауза явно затягивалась.

– А... Вы, наверное, о Пономареве спрашиваете? – попробовал догадаться Иванищев. Калачев слегка прищурился.

– Да... Он у нас как-то задержался в дежурных. Зеленый еще совсем. Учится. С азов начинается. Со старта. – Иванищев еще надеялся перевести все в шутку.

– Товарищ капитан, – холодно сказал Калачев. – Доложите, почему этот летчик у вас не летает.

Иванищев понял, что дело идет к разному, и резко сменил тон:

– Младший летчик Пономарев отстранен мной от полетов за грубое нарушение дисциплины, товарищ старший политрук!

Он протянул ладонь за спину, и Ледневич услужливо сунул в нее свой давешний рапорт. Иванищев, не глядя, взял его и протянул Калачеву.

По мере чтения брови военкома хмурились все сильнее:

«Командиру 1 эскадрильи 22 ИАП
К-ну ИВАНИЩЕВУ
От адъютанта эскадрильи
Ст. л-та ЛЕДНЕВИЧА

РАПОРТ

1 марта 1939 года в 10.00 мной было сделано строгое замечание мл. л-ку ПОНОМАРЕВУ за грубое нарушение дисциплинарного устава РККА, разгильдяйство и расхлябанность, выразившиеся в демонстративном отказе выполнить требования означенного дисциплинарного устава РККА в части приветствия командира и старшего начальника.

Вместо этого мл. л-к ПОНОМАРЕВ в грубой форме вступил в пререкания со старшим по званию, всячески нарушал дисциплину, тыкал и не подчинялся.

За нарушение дисциплинарного Устава РККА в соответствии с правами по занимаемой должности адъютанта эскадрильи мною был объявлен выговор мл. л-ку ПОНОМАРЕВУ, а также отстранение от полетов. Однако мл. л-к ПОНОМАРЕВ не осознал глубины своего проступка и упорствовал в пререкании.

Прошу примерно наказать мл. л-ка ПОНОМАРЕВА за грубое нарушение дисциплинарного Устава РККА и недисциплинированность».

В левом углу рапорта красным карандашом крупными буквами была наложена резолюция командира эскадрильи: «Объявить мл. л-ку ПОНОМАРЕВУ строгий выговор за недисциплинированность. Отстранить от полетов. Назначить дежурным по старту. Комэска-1 ИВАНИЩЕВ».

Пока Калачев читал рапорт, в комнате стояла звенящая тишина. Только за окном слышался далекий гул авиационных двигателей в высоком небе над летным полем.

«Вот, крысы канцелярские, – неприязненно думал военком. – Приноровились рапорта строчить! Стакнулись тут и хотят загубить пилота! А кто будет с японцами воевать, когда они снова сунутся?»

В дверь постучали. Она приоткрылась с протяжным скрипом, и в образовавшуюся щель просунулось раскрасневшееся лицо старшины Николаева, парторга эскадрильи:

– Разрешите?

– Входи, Иван Иванович! – коротко взглянул на него Калачев. Дочитав бумагу, он аккуратно свернул ее, положил в нагрудный карман и повернулся к Владимиру:

– Товарищ младший лейтенант, вы сдали зачеты по матчасти и технике пилотирования?

– По магчасти сдал, товарищ старший политрук. На «хорошо». А по технике пилотирования не успел.

Калачев посмотрел на Иванищева, и комэска от этого взгляда стало очень неудобно. Ледневич деловито перебирал какие-то бумаги на своем столе, старательно не глядя на военкома.

– Значит, так. Приказываю. Младшего летчика Пономарева допустить к полетам. Комэска Иванищеву сегодня же лично принять у Пономарева зачет по технике пилотирования. Адъютанту эскадрильи Ледневичу во внеслужебное время организовать для младшего летчика Пономарева дополнительные занятия по Уставам РККА и принять зачет. Об исполнении доложить! Вопросы есть?

– Нет вопросов, товарищ старший политрук, – вяло протянул Иванищев.

– Парторг, – Калачев повернулся к Николаеву.

– Да, Владимир Николаевич! – вытянулся тот.

– У нас сегодня среда... – комиссар помолчал секунду, что-то прикидывая про себя. – На воскресенье назначай партийное собрание. Повестка: «Подготовка эскадрильи к итоговой проверке за зимний период боевой, политической и технической подготовки». А в субботу мы по этому вопросу заслушаем коммунистов Иванищева, Ледневича и Николаева на партбюро.

Лицо у Иванищева заметно вытянулось, но он промолчал. Ледневич уткнулся взглядом в стол.

– Слушаюсь, товарищ военком полка! – Николаев вынул из командирской сумки общую тетрадь и стал торопливо в ней что-то записывать.

– Связь с комполка! – повернулся Калачев к комэска.

Иванищев подошел к столу и начал крутить ручку телефона, вызывая полк.

– Пономарев, – Калачев взглянул на Владимира. – Вы же недавно окончили авиашколу. Когда это вы успели уставы позабыть?

– Да я... – замялся тот. – Виноват, товарищ военком полка...

– Это вы не мне будете говорить, а своим товарищам! На собрании. И поверьте, они с вас спросят гораздо строже, чем комэска или адъютант эскадрильи!

Владимир молчал.

– Уставы – это основной закон Красной армии! Это наша красноармейская Сталинская конституция! Настольная книга красного командира! Надеюсь, что дополнительные занятия пойдут вам на пользу, товарищ летчик... И вам, товарищ старший лейтенант тоже! – Калачев прищурился на Ледневича, который во время этой тирады наконец оторвал глаза от своих бумаг.

– Комполка на связи! – Иванищев протянул военному трубку телефона.

– Да, Николай Георгиевич, я в первой!.. Да, посмотрел. Жалею, что сразу Шнуркова с собой не взял. Но оно и к лучшему. Пускай он с собой Калинина привезет... Да нет, не настолько плохо. Но, уж коли проверять, так проверять!..

Капитан Шнурков был начальником воздушно-стрелковой службы, а военинженер 3-го ранга Калинин – инженером полка.

Иванищев незаметно повернулся к Ледневичу и повел глазами в сторону двери. Адъютант попытался бочком-бочком проскользнуть к выходу. Но Калачев краем глаза заметил его движение и остановил резким движением ладони.

– Да, Николай Георгиевич, я тут пока сам справлюсь... А они, оба, пускай немедленно вылетают!.. Все проверим, как следует! Не сомневайся!.. Да, я думаю, двух дней вполне хватит! А потом проведем разбор полетов! Вернусь, доложу подробно!.. Есть! Конец связи! – Калачев положил трубку и повернулся к Иванищеву. – Боевой сбор!

– Есть, боевой сбор! – четко ответил тот и гаркнул что есть силы: – Дневальный!

За дверью раздался громкий топот, и в кабинет комэска заскочил красноармеец с вытаращенными глазами.

– Боевой сбор! – приказал комэска, и дневальный убежал.

– Даю вводную! – Калачев посмотрел прямо в глаза Иванищеву. – Аэродром внезапно атакован бомбардировщиками противника. Командир эскадрильи убит осколком бомбы.

Иванищев открыл было рот, но если и хотел что-то сказать, то передумал.

– Пойдем, Иван Иванович, поглядим, как эскадрилья собирается по тревоге, – сказал Калачев Николаеву и снова посмотрел на Иванищева. – А вы, товарищ капитан, раз уж вас убило, можете пока принять зачет по технике пилотирования у младшего летчика Пономарева.

– Та-ак... – протянул Иванищев, когда за военкомом и парторгом закрылась дверь. Он отчетливо скрипнул зубами: – Пономарев!

– Я, товарищ капитан! – вытянулся Владимир, все это время стоявший ни жив ни мертв.

– Бегом, на стоянку! И чтобы через двадцать минут спарка была на старте. Попробуй только у меня не сдать этот зачет!

Владимир козырнул и метнулся прочь из канцелярии. Уже закрывая дверь, он услышал громкие непечатные слова комэска, обращенные к Ледневичу:

– А ты, какого... тут расселся, адъютант! Марш в эскадрилью!

Глава 4. «Сумеем кровь пролить за СССР...»

Халхин-Гол, конец мая 1939 г.

Весна в Забайкалье была совсем не такой, как в Одессе. Снег сошел очень рано. А солнца было столько, что Владимир с непривычки ходил прищурившись.

Понимая, что для летчика-истребителя умение видеть врага, атакующего со стороны солнца, является условием не то что победы, а элементарного выживания, Владимир постоянно тренировался. Сначала, наловившись солнечных зайчиков, он ходил и спотыкался. Но спустя какое-то время научился смотреть на солнце сквозь ресницы и не слепнуть.

А жизнь шла своим чередом.

Первая эскадрилья летала очень много. И младший лейтенант Пономарев, с легкой руки военкома допущенный наконец к полетам, с жадностью навёрстывал свое отставание. Все экзамены и зачеты по матчасти, различным инструкциям и наставлениям, а также по знанию района полетов он сдал на «хорошо» и «отлично» еще до того, как угодил в «вечные» дежурные, и больше никаких препятствий не оставалось.

Потому что в конце марта капитан Иванищев, при активном содействии врио командира бригады майора Куцепалова, был назначен заместителем начальника штаба бригады и убыл к новому месту службы. А старший лейтенант Ледневич после суровой выволочки на партбюро и отъезда своего покровителя ходил тише воды ниже травы, больше к Владимиру не цеплялся и жить не мешал.

Зачет по технике пилотирования младший летчик Пономарев сдал на «удовлетворительно». Комэска Иванищев, при всех его недостатках, на самом деле был на своем месте. А пил бы поменьше, да летал побольше, и не держал возле себя эту шестерку Ледневича, то стал бы действительно неплохим командиром эскадрильи.

Так или иначе сильно придирается к Владимиру он не стал. Видимо, решив, что на первый раз хватит. В конце концов это была его эскадрилья и в мае, на итоговой проверке, не адъютанту, а именно ему пришлось бы отвечать за подготовку летного состава. И вообще раз пошла такая пьянка и в дело ввязался военком, имело смысл махнуть рукой на глупые амбиции. Тем более что это были не его амбиции.

Иванищев был старый комэска и отлично понимал, что гавкаться с комполка и военкомом себе дороже. Раз выше сидят, значит, дальше глядят. И ладненько...

К маю Владимир восстановил навыки пилотажа. И простого, и сложного. Полетал и в составе звена, и в составе эскадрильи. Провел несколько воздушных боев, и даже пострелял пару раз по конусу. Понятное дело, чтобы стать настоящим боевым летчиком, этого было мало, но никто и не ожидал, что за три-четыре месяца он превратится в аса. Во всяком случае, в строй эскадрильи младший лейтенант Пономарев встал, и командир звена лейтенант Пьянков был им доволен. А если командир доволен, значит, солдат кашу ест не зря.

О Наталье Владимир старался не думать. И может быть, именно поэтому думал о ней постоянно. Вспоминал ее задорную улыбку и льдисто-серые, смеющиеся глаза... Вспоминал, как она сдувала с лица свою непокорную золотистую челку, расправляя и укладывая парашют... Вспоминал, как она, такая стройная и ладная, стояла, запрокинув голову, на летном поле и, приложив ладонь к глазам, смотрела в небо...

Светится солнце
Золотом красным...
Как одиноко
В небе прекрасном!..
Как одиноко,

Как безнадежно...
В небе высоком,
В небе порожнем...

Долго ли коротко ли, настал май.

Эскадрилья всю готовилась к итоговой проверке. Новый комэска старший лейтенант Черенков, принявший эскадрилью у капитана Иванищева, прятаться за его широкую спину не собирался.

Первая эскадрилья должна быть первой во всем!

И комполка майор Глазыкин расслабляться не давал, хотя и понимал, что молодому комэска нелегко. Поэтому полковые специалисты из первой эскадрильи не вылезали. Участвовавшие строевые смотры лишь разнообразили армейскую рутину. А для Владимира они вообще были делом привычным до скуки (спасибо «Иван-царевичу», уж к строевым-то смотрам он любовь у своих подопечных привить сумел).

При этом боевую готовность никто не отменял и двадцать второй истребительный авиаполк, как ему и положено, нес боевое дежурство по охране границ любимой Родины.

А тучи на дальневосточных границах хмурились все сильнее.

Одиннадцатого мая отряд баргутской конницы при поддержке броневиков атаковал монгольскую погранзаставу у сопки Номон-Хан-Бурд-Обо. Силы были неравные, и монгольским пограничникам пришлось отойти на западный берег реки Халхин-Гол.

Международное положение складывалось в последнее время очень непростое.

В конце тридцать восьмого года Япония испытывала серьезные военные и экономические трудности. Война в Китае не приносила желанной победы. Была захвачена огромная территория. Однако это привело лишь к распылению сил. Ширилось всенародное антияпонское движение, руководимое Коммунистической партией Китая.

Затяжная война не могла не сказаться и на внутривнутриполитическом положении Японии. Понижился жизненный уровень населения. Курс йены упал, а цены на многие товары широкого потребления повысились. Росло всеобщее недовольство. Под давлением военных кругов в январе тридцать девятого кабинет, возглавляемый принцем Коноэ, был вынужден подать в отставку. На смену ему пришло «правительство войны». И премьер-министр Хиратума, и его ближайшее окружение – военный министр генерал Итагаки, его заместитель генерал Тодзио и командующий Квантунской армией генерал Уэда – видели выход из создавшегося положения в активизации боевых действий против Китая и расширении агрессии в северном направлении, против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

При этом первостепенное внимание уделялось подготовке нападения на МНР. Быстрый захват ее территории позволил бы японским войскам выйти к советским границам в районе озера Байкал, а затем перерезать единственную железную дорогу, связывающую европейскую часть Советского Союза с Дальним Востоком.

Кроме того, успешная агрессия против СССР и Монголии могла поднять престиж японской армии, сильно пошатнувшийся после серьезных неудач на Хасане и в Китае...

Командир двадцать второго истребительного авиаполка майор Глазыкин сидел у себя в кабинете и смотрел в раскрытое настежь окно. Серебряный тополь, стоящий прямо у его подоконника, шуршал своей еще не успевшей потемнеть листвой на теплом ветру. Тополь, тополь... Глазыкин задумчиво крутил в пальцах остро заточенный двухцветный командирский карандаш и размышлял о превратностях судьбы.

В двадцать девятом он окончил школу фабрично-заводского ученичества в своем родном городе Вольске. Но слесарил не долго. По комсомольской путевке его направили учиться

в Вольскую объединенную военную школу летчиков и авиатехников. Впрочем, в летчики он не собирался.

Но как-то так вышло, что вскоре оказался в третьей военной школе летчиков и летнабов в Оренбурге, и даже выучился летать на разведчике Р-5. Чтобы потом не один год прослужить в девятнадцатой легко-штурмовой эскадрилье ЗабВО – сначала командиром звена, а затем отряда. В феврале прошлого года его даже наградили орденом Красной Звезды. И он уже стал, кажется, привыкать.

А через месяц был назначен помощником командира истребительного авиаполка. И всего через полгода принял этот полк у капитана Куцепалова, назначенного на бригаду и получившего по этому случаю очередное воинское звание.

Ему тоже кинули вторую шпалу на петлицы. Впрочем, и он это отчетливо осознал, стать командиром полка в двадцать семь было не таким уж и большим достижением. Надо было раньше свою дорогу выбирать. Или идти по ней более решительно!

И тем не менее под его командованием оказалось более полутысячи человек. Шестидесят три истребителя – двадцать восемь И-16 и тридцать пять И-15 бис...

Глазыкин перевел взгляд на дребезжащий телефон. Чтобы вернуться к реальности, ему потребовалась лишь пара секунд.

– Товарищ комполка! – докладывали со старта. – Прибыл товарищ комбриг!

Глазыкин надел фуражку и поспешил навстречу начальству.

Куцепалов прилетел не на связном У-2, а на своем собственном «ишаке». И одно это уже могло насторожить. И насторожило.

– Здравствуй, Николай Георгиевич! – Куцепалов протянул руку Глазыкину, когда тот закончил рапорт.

– Здравия желаю, товарищ комбриг! – козырнул Глазыкин и пожал твердую ладонь.

Куцепалов оглянулся. Никого рядом не было. И пилоты, и красноармейцы, являя собой образцы деловитости, занимались обслуживанием материальной части и несением внутренней службы, благоразумно держась подальше от начальства.

– Как полк? – спросил он.

– Готовы к выполнению любого приказа командования! – как и положено, ответил Глазыкин.

– Приказ имеется, Николай Георгиевич, – Куцепалов понизил голос. – Без проверок! Сколько тебе надо времени, чтобы подняться и вылететь?

– У меня три площадки, Федор Тимофеевич. Да вы же сами все знаете... Че плюс тридцать... Первая эскадрилья – через пятнадцать минут. Вторая – по зрячему. Третья и четвертая – сбор на маршруте...

– Значит, так. Полный боекомплект! Топливо – под крышку! Я – лидирую! Летим в Баян-Тумен. Но об этом ни слова! Даже Калачеву!

– Что-то случилось, Федор Тимофеевич?

– Да!.. У монголов уже неделю стрельба идет, а вчера был атакован и сбит связной самолет сто пятидесятого СБАП...² Летел над своей территорией. Но это его не спасло. Летчик погиб, а летнаб³ выпрыгнул с парашютом. Идем на усиление.

К тревогам в первой эскадрилье за последнее время успели уже привыкнуть. Итоговая проверка ожидалась со дня на день, поэтому матчасть была готова к проверке в любую минуту. И техники, и летчики были переведены на негласное казарменное положение. Все (кроме боевых подруг, конечно) относились к этому с пониманием. Служба!

² СБАП – скоростной бомбардировочный авиационный полк.

³ Летнаб – летный наблюдатель.

Поэтому пока летчики прибывали на стоянку и надевали парашюты, техники уже успели подготовить самолеты.

Один за другим истребители выплывали в небо короткие звонкие очереди. Такая методика была введена в полку для определения готовности к боевому вылету. Между экипажами развернулось настоящее соревнование, кто первым засветит залп. И на этот раз, как всегда, вперед всех успел экипаж лейтенанта Райкова.

Никаких секретов! Просто воентехник третьего ранга Копысов быстрее всех пробегал стометровку. Все по-честному!

Обычно после приведения самолетов в боевую готовность эскадрилья возвращалась к мирной жизни. Хотя иногда поднималась в воздух, шла на предельно малой высоте между сопками, маневрируя направлением и высотой, и, выскочив на полигон, стреляла по мишеням.

Младший летчик Пономарев терпеливо парился в кабине. Обычное дело – проверка кончилась, а отбоя нет. Видимо, итоги еще не подведены.

В этот момент в воздух одна за другой взвились две зеленые ракеты.

Взлет!

Дружно поднявшись, а затем, развернувшись на сто восемьдесят градусов, эскадрилья вслед за командиром прошла над аэродромом. Внизу должны были выложить специальный сигнал.

Радиостанции пока имелись только на тяжелых бомбардировщиках, поэтому истребителям приходилось обходиться мимикой и такими вот сигналами. В верхнем левом углу большого белого полотнища на старте лежал красный квадрат. Этот сигнал означал единицу, то есть команду «Выполнять задание». А какое – ведомо лишь командиру.

Дело опять же привычное. Держи строй и не пропадешь!

Черенков повел эскадрилью на восток. Владимир знал, что там расположен штаб полка и сидит вторая эскадрилья. Похоже, что это все-таки полковые учения...

Когда они подлетели, звеньями стала подниматься вторая. Но не только. Вот взлетело штабное звено. А это... Это же комбриг?!

Командир бригады занял место лидера, и, следуя за ним, эскадрильи встали на маршрут, как гуси за вожаком. А когда к ним пристроились третья и четвертая эскадрильи, зрелище стало еще более впечатляющим!

Они шли как на параде в День Воздушного флота – колонной клиньев эскадрилий с превышением от первой к последней! Сначала «ишаки», а за ними – «бисы». Шестьдесят с лишним машин!

Озеро Харанор... Река Борзя... Озеро Зун-Торей... Соловьевск...

Комбриг, покачивая самолет с крыла на крыло, подал сигнал «внимание, сомкнись», и, выполнив горку, двадцать второй истребительный полк покинул пределы СССР.

Степь да степь кругом!..

Владимир, удерживая дистанцию и интервал от ведущего, краем глаза с любопытством смотрел на чужую землю, проплывающую под крылом. За границей он ни разу еще не был. Впрочем, то, что он видел, на границу не походило. Все то же самое. Степь да степь... Как море. Никаких ориентиров. Только компас да часы...

Вскоре они пролетели над тонкой темной линией, перечеркнувшей степь пополам.

«Вал Чингисхана!» – догадался Владимир.

А затем под крыло выполз Баян-Тумен. И вот это они называют городом? Юрты, сараи, коровы, лошади... И степь. Как же комбриг его нашел? А впрочем, да! Компас и часы...

Одна за другой, выстроившись в круг, садились эскадрильи.

Сели так же дружно и без происшествий. Полк выстроился поэскадрильно, как на смотре – в одну линейку, благо места хватало. Стройся хоть до горизонта.

Владимир огляделся. Голое, ровное поле без каких-либо построек. И это авиабаза?

Сразу после посадки – построение личного состава. А как же иначе? Выключил мотор – сбор напротив самолета командира. Бегом! И доклад о выполнении задания. Затем выслушать замечания. Замечания у командования есть всегда! Потом получить очередную задачу и усвоить порядок ее выполнения. Задачи у командования тоже никогда не кончаются.

– Сегодня самураи напали на Монголию, и мы прибыли защищать ее! – Куцепалов взмахнул летным шлемом. – Я верю в то, что вы в бою будете достойными воздушными защитниками и своими подвигами прославите свой полк и нашу славную Родину!

Строй застыл в безмолвии.

– А сейчас рассредоточить и заправить самолеты горючим, переложить полетные карты и быть готовым к новому вылету. Для боя! Для отражения налета противника! За ВКП(б)! За Сталина!! Ура!!!

Летчики разошлись по стоянкам. Рассредоточить так рассредоточить. Навалились и откатали ведомых. Одного вперед, другого – назад. И все равно выстроили так, чтоб красиво было. Начальник штаба поруководил... Ну, не выносит армейская душа бардака. Ни в казарме, ни на плацу, ни в столовой. Что тут поделаешь?

Заправить самолет – тоже дело не хитрое. Если, конечно, не ведрами из бочки переливать. Боекомплект – в лентах. Карты переложить? Не фиг делать! Толку-то от них? Тут один ориентир – речка Керулен. Собственно, и не речка, а так – мутный ручей с глинистыми берегами. Есть, правда, еще одна река – Халхин-Гол. Но до нее еще километров триста лететь.

Но долетели не все. В эскадрилье «бисов» одного летчика недосчитались. И главное, никто не заметил, куда он подевался. Был человек – и нет человека...

Глазыкин остро переживал чэпэ. Хотел даже сам на поиски вылететь. Но Куцепалов не разрешил. Завтра по этому же маршруту пойдет тридцать восьмой скоростной бомбардировочный полк капитана Артамонова. Штурманам все равно делать нечего будет, они и посмотрят, что и как.

– Ты, давай, лучше посты воздушного наблюдения организуй. До границы километров шестьдесят всего! Не хватало еще, чтобы нежданные гости нас тут как курей перещупали, – сказал он Глазыкину.

Комбриг безусловно не зря бдительность мобилизовывал. Умом Владимир понимал, что они прилетели на войну. Но как-то не верилось... Все так мирно вокруг. Юрты да заборы с расписными воротами. Свиньи бродят, коровы... Вон монгол сидит на маленькой мохнатой лошади, прищурился. В какой-то странной шляпе-кепочке и вышитом халате без воротника. Солнце светит, небо – синее, трава – зеленая... Какая еще война?

А вот такая.

Рано утром, на рассвете, восемь «ишаков» первой эскадрильи взлетели и, встав в правый пеленг за комбригом Куцепаловым, перелетели на аэродром подскока у высоты семьсот пятьдесят два, в просторечии – гора Хамар-Даба.

Может быть, младшего летчика Пономарева и не взяли бы с собой, но, спасибо воен-технику второго ранга Рябушкину (молодец Ванька!), мотор завелся с полпинка. Не то что у некоторых... Поэтому Владимир занял свое законное место справа от комзвена и шел за ним, как привязанный до самой посадки.

И только потом сообразил, что надо было еще и по сторонам смотреть. Потому что главная задача поменялась. Раньше надо было строй держать. А теперь надо было драться. И держаться спиной к спине, как положено в драке...

Но это сейчас все понятно, а тогда он лишь одного боялся, как бы интервал и дистанцию соблюсти. Балбес!..

Сели у высохшего озера. Сразу подъехал бензозаправщик. Рядом автостартер для запуска двигателя на стреме. Что еще надо для счастья простому истребителю? Разве что лишнюю ленту с патронами. В нужный момент! Но это уже из области фантастики...

Майор Куцепалов построил личный состав и произнес патриотическую речь, в конце которой категорически запретил перелетать государственную границу Монгольской Народной Республики (была бы она еще и обозначена!) в случае преследования улепетывающего противника.

А в девять утра позвонили с поста воздушного наблюдения, оповещения и связи у озера Буир-Нур и сообщили о появлении звена японских истребителей.

– По ко́ням! – решительно скомандовал комбриг.

Летчики разбежались по машинам, и один за другим пошли на взлет.

Все, кроме Куцепалова. Потому что на его «ишаке», как на грех, никак не запускался мотор. Он яростно матерился. Но это не помогало...

Черенков взлетел раньше всех и, забыв, что он комэска, с набором высоты помчался на север. За ним, не дожидаясь друг друга, кинулись остальные.

Владимир взлетал последним. Наконец он оторвался от травы и резко, отматывая руку, убрал шасси. Командир звена улетел уже далеко. И его надо было догнать! Но скорость росла так медленно!.. Владимир видел, как ребята уходили вперед, а он за ними не успевал.

Все в этот день было поперек!

Вдруг он увидел, как там, над рекой, с высоты, со стороны солнца, на неровный, далеко растянувшийся строй его товарищей упала шестерка самураев.

Засверкали трассы. Кого-то сразу же подожгли, и он, вспыхнув, как спичка, вошел в пике, растягивая за собой рваный черный хвост. Самолет упал, а летчик так и не выпрыгнул. Напоровшись на очередь, перевернулся и посыпался вниз еще один краснозвездный ястребок...

Сбив двоих в первой же атаке, японцы сделали скоростную горку и снова обрушились сверху на четверку И-16.

Нет, совсем не таким Пономареву виделся в мечтах его первый бой! Это самураи должны были пачками лететь вниз, объятые пламенем, а не сталинские соколы!

Владимир стиснул зубы, выжимая газ до упора. Он давил и давил на рукоятку изо всех сил, как будто это могло прибавить оборотов и без того ревущему на пределе мотору.

Все происходило слишком быстро!

Два «ишака» с замершими пропеллерами медленно планировали вниз. А один их прикрывал. Один против шестерых! Но недолго... Получив несколько очередей и оставляя за собой дымный след, он круто пошел к земле и при ударе взорвался.

После этого в небе остались только машины с красными кругами на серебристых плоскостях. А над степью поднимались густые черные столбы.

«Опоздал!» – скрипнул зубами Владимир. Конечно, он опоздал. Но не совсем. Потому что в небе еще летали враги.

И началось!..

На самом деле он думал только об одном. Чтобы его сбили над своей территорией. И крутился, как мог, оттягиваясь на юг.

Таким фигурам пилотажа его не обучали. Впрочем, он вряд ли, понимал, что делал. Один раз он даже нажал на гашетку, когда прямо перед носом у него выскочил самолет с красными кругами на крыльях. И даже, кажется, попал! Потому что в воздухе замельтешила какая-то труха. Но в этот момент его ястребок вдруг протрясло, как на кочках, и швырнуло в сторону. А он получил по голове, как кувалдой. Но, к счастью, не прямо в лоб, а вскользь...

Владимир дал газ и сделал бочку. На такой малой высоте он неминуемо должен был бы убиться, выполняя эту фигуру. Но, видимо, не в этот раз.

И тут он увидел и это озеро, и бензозаправщик, и автостартер. Можно было садиться. Если бы позволили эти... Которые клевали его, как стервятники. Он оглянулся. И ничего не увидел. Кровь заливала разбитые очки. Оставалось только погибнуть...

И вдруг все кончилось.

Самураи почему-то оставили его в покое. И тогда он толкнул ручку вперед и выпустил закрылки. И нырнул вниз, не выпуская шасси. Его израненный «ишак» заскользил по траве с загнутым на капот винтом, медленно разворачиваясь вправо и, наконец, остановился.

Его спас капитан Савченко. Расстреляв весь боезапас, капитан искусно вышел из боя и приземлился. И пока техник перезаряжал его оружие, стоял, напряженно вглядываясь в небо. А потом оттолкнул его и крикнул:

– От винта!

И его завели, и он взлетел, и только поэтому Владимиру удалось все-таки посадить свой изрешеченный самолет.

Потому что Савченко увидел, как избитый вражескими очередями И-16, ковыляя на брющем, шел к своему аэродрому, а самураи заходили на него, как на полигоне, и стреляли, стреляли, стреляли...

И он взлетел, отогнал врагов, но при посадке на поврежденной машине не смог удержать направление, скапотировал и погиб. Жизнь за жизнь...

Такая вот война.

В этом первом бою героически погиб командир эскадрильи старший лейтенант Николай Черенков, который, оставшись один против шестерых, до последнего прикрывал своих товарищей – лейтенантов Александра Мурмылова и Анатолия Орлова, планирующих с отказавшими моторами на вынужденную.

Спасая товарища, погиб капитан Савченко.

Пропал без вести лейтенант Пьянков.

Двигатель куцепаловского истребителя так и не завелся. Может, засорился бензопровод? Или комбриг в спешке залил карбюратор? Техники сняли капот и ковырялись в движке.

А Куцепалов больше не матерился. Он молча сидел в кабине своего самолета, глядя в одну точку в каком-то ступоре, без мыслей и без эмоций.

Позднее выяснилось, что Александр Пьянков уцелел.

Он был подбит и ранен в самом начале боя. И попытался посадить поврежденный самолет. И снова был ранен. Но все-таки сумел приземлиться, не выпуская шасси, на «брюхо». Пьянков выскочил из машины, но спрятаться было некуда. А самураи заходили на него один за другим. Стреляли длинными очередями, как в тире, а он зигзагами метался из стороны в сторону. В него они не попали. А самолет сожгли.

И он остался один посреди бескрайней монгольской степи. Раненый... Без воды... Без пищи... Под палящими лучами солнца.

Александр кое-как перебинтовал простреленную руку полосой, оторванной от полы нательной рубахи, определился по солнцу и побрел на юг.

Это была настоящая борьба жизни и смерти. И жизнь победила.

Три дня спустя он наткнулся на колонну бронемашин. Бойцы напоили, накормили летчика и доставили в часть. Видать, рано было ему тогда помирать, наверное...

– Это надо было видеть! Приходит, значит, Сашка Пьянков к Глазыкину и говорит: «Рано вы меня списали на свалку, товарищ майор! Докладываю: дрался, покалечил пару самураев. Летел домой, но запнулся. Пришлось присесть... Да, и хрен с ним! Прибыл для дальнейшего прохождения службы!» А командир берет блокнот и вычеркивает его из списков погибших! – так описывал эту сцену Толя Орлов.

– Тебе бы не летать, а конференсье работать, – только и отвечал комзвена. – На танцплощадке!

Но это было потом...

Неисправность в куцепаловском самолете техники так и не нашли. Но, перебрав и перечистив все, что можно, они попробовали его завести. И им, как ни странно, это удалось. Впрочем, такое бывает.

Оставаться на аэродроме подскока больше не было смысла, и Куцепалов вернулся в Тамцаг-Булак. Это было очень невеселое возвращение. Утром он увел за собой эскадрилью, а вечером прилетел назад один. С Глазыкиным разговаривать не захотел. Молча глянул на него и ушел в свою палатку.

А на следующий день снова был бой. И опять неудачный.

Сначала рано утром поступил приказ привести в боевую готовность двадцать истребителей И-15 бис. Но почему-то после взлета первого звена вылет остальных был отменен. И на выполнение задания они пошли одни.

И не вернулись... Над Халхин-Голом их перехватила и сожгла шестерка самураев. Комэска-три старший лейтенант Иванченко, адъютант эскадрильи старший лейтенант Вознесенский и флаг-штурман эскадрильи лейтенант Чекмарев погибли.

Но это стало известно значительно позднее. А тогда никто еще ничего не знал. Потому что радио на самолетах не было, а по расчету времени бензин у них имелся.

Через час после Иванченко, по ранее утвержденному плану, в воздух поднялись сразу две эскадрильи – десять истребителей И-15 бис и десять И-16. Не встретив противника, они благополучно сели на свой аэродром.

Однако такое развитие событий майора Куцепалова совершенно не устраивало.

Он должен был отомстить за своих погибших. И реабилитироваться за провал. И доказать самому себе что-то важное.

Доказать не кому-то, а самому себе, что двигатель в то утро не смог завестись, потому что был неисправен, а не потому что ему было очень, очень страшно. Доказать самому себе. Потому что никто, кроме майора Куцепалова, обвинения в трусости майору Куцепалову предъявлять не собирался.

Люди знали, что мотор действительно не заводился. Зря, что ли, техники полдня потом в нем копались.

Но если он сам себе этого не докажет, из армии надо уходить. Или стреляться на хрен! Потому что без армии Куцепалов себя попросту не мыслил. Но трусу в армии, а особенно в авиации не место!

Вот почему сразу после посадки в полк позвонил замначальника штаба бригады капитан Иванищев и передал новый приказ:

– Немедленно вылететь двум эскадрильям в том же составе!

– Эскадрилья «шестнадцатых» к вылету еще не готова, – ответил Глазыкин.

– Вы-пол-нять! Вылететь одним «пятнадцатым», не дожидаясь готовности «шестнадцатых»! Это приказ! За невыполнение пойдете под трибунал! – рявкнул Иванищев.

– Есть! – подчинился комполка.

Потом он пожалел об этом. Но было уже слишком поздно...

Эскадрилью Балашева в небо повел помкомполка майор Мягков. Это все, чем мог тогда помочь комэска-четыре Глазыкин.

– Ты уж там смотри, Павел Афанасьевич, – сказал он Мягкову.

– Не беспокойся, Николай Георгиевич. Прорвемся!

Но они не прорвались...

Потому что на десятку стареньких советских бипланов с неубирающимися шасси навалилось восемнадцать новейших истребителей противника. Ки-27 были легче И-15, значительно превосходили их и в скорости, и в скороподъемности, и в маневренности. Мало

того, все они были оснащены радиостанциями. Одним словом, без поддержки «ишаков» у «бисов» вообще не было никаких шансов.

И тем не менее, не взирая на двойное превосходство противника в численности, советская эскадрилья вступила в бой. Десять против восемнадцати.

Исход боя был предрешен...

Во время первой же атаки был подожжен самолет Мягкова. Летчику удалось сорвать пламя в пике, но когда он шел на бреющем, японский истребитель догнал его и сбил.

В ходе той же атаки был ранен в голову командир эскадрильи капитан Балашев. Он потерял сознание, но почти у самой земли пришел в себя, сумел выровнять свой изрешеченный истребитель и, обливаясь кровью, с трудом дотянул до аэродрома...

Оставшись без командиров, эскадрилья была рассеяна и уничтожена.

Раненый комэска был единственным, кто сумел вернуться в Тамцаг-Булак.

Противник потерь не имел.

Глава 5. «Нас извлекут из-под обломков...»

Москва, 29 мая 1939 г.

Летчик-испытатель Герой Советского Союза майор Кравченко крутанул бочку, зафиксировал самолет и вошел в штопор. Мир закружился вокруг его верной «ласточки» в отчаянном вихре вальса. Перед глазами замелькали рулежные дорожки, самолетные стоянки, машины, ангары.

Земля была очень близко. Когда под солнечным сплетением заныло совсем невтерпеж, Григорий остановил вращение и плавно взял ручку на себя. Низко просев, его истребитель перешел в горизонтальный полет на высоте едва ли в десяток метров. Разогнавшись, Кравченко свечой рванулся к солнцу.

Его руки делали привычную работу, а мысли шли своим чередом. Он давно уже привык к молчаливым беседам сам с собой. От природы веселый и общительный, Григорий не мог оставаться один, его постоянно окружали люди. Братья, а у него их было четверо, сестры, соседские парубки, товарищи по интернату, курганская комсомолия, техникумовские кореша, друзья-летчики. Но в небе общаться было не с кем и, летая на истребителях уже восемь лет, он волей-неволей научился разговаривать сам с собой. К своему собеседнику, то бишь к самому себе, он при этом обращался уважительно, по имени-отчеству.

«Да, Григорий Пантелеевич, жениться тебе пока рановато. Оно, конечно, можно было бы, однако лучше погодить...» – перед глазами у него до сих пор стояло безжизненное, мертвое лицо Вали Серовой.

Две недели назад в Кремлевской стене похоронили Полину Осипенко и Анатолия Серова. Урны с прахом были выставлены в Колонном зале Дома союзов. Два дня и две ночи по Пушкинской улице шли люди. Казалось, что попрощаться со своими любимцами пришла вся страна. У подножия двух постаментов поднялся высокий холм из тысяч букетов, повязанных алыми лентами. Два оркестра, симфонический и духовой, играли без перерыва. Траурные мелодии Бетховена, Шопена, Чайковского рвали душу на части. Даже мужчины едва сдерживали слезы.

Не плакала только Валя Серова. Ее мать, еще какие-то женщины держали ее под руки. Они не отходили от нее ни на шаг, а она стояла, отрешенно глядя прямо перед собой сухими, ничего не видящими глазами и молчала.

«Это было невыносимо...» – скрипнул зубами Григорий.

Он как-то сразу сошелся характером с Анатолием. Они даже внешне были чем-то похожи. Коренастый, плотный русак и такой же крепкий и низенький хохол. И биография у них была почти одинаковая, хотя Анатолий и был на два с половиной года старше. Оба с Урала, оба – отличные спортсмены, оба – комсомольские вожаки. И в авиацию оба пришли по комсомольскому набору. Они даже авиашколу закончили практически одновременно. Правда, Серов учился летать в Оренбурге, в третьей военной школе летчиков и летнабов, а Григорий – в первой. В знаменитой Каче...

Кравченко завершил мертвую петлю в той самой точке, с которой начал фигуру, сделал энергичный боевой разворот и перешел в крутое пикирование, разгоняясь. Земля приближалась с нарастающей скоростью. Григорий прикинул прицелу, имитируя атаку наземной цели...

Судьба свела его с Серовым не сразу, но в армии, а особенно в таком элитном роде войск, как истребительная авиация, как в деревне – все друг друга знают или, как минимум, имеют общих друзей и знакомых. Сам непревзойденный пилотажник, Григорий много слышал о серовском звене «воздушных акробатов». Но познакомились они только в тридцать шестом.

И опять все у них сходилось. Оба – летчики-испытатели, оба – старшие лейтенанты, по три кубаря в петлицах. Но Кравченко чуть-чуть опережал. Он на испытательную работу перешел раньше и уже успел получить орден. Большая редкость по тем временам, да и сейчас, впрочем, тоже.

Жаль, конечно, что дали ему не настоящий боевой орден Красной Звезды, а всего лишь трудовой «Знак Почета», которым обычно награждали пастухов и доярок за удои и привесы. Отчего в народе к нему крепко прилепилось прозвище «Веселые ребята». После появления на экранах одноименной кинокартины.

Но был этот «Знак Почета» Григорию по-своему дорог. Как знак того, что и командование, и товарищи, оценили молодого пилота по достоинству. А ведь чего скрывать, поначалу из-за маленького роста его и в авиашколу-то принимать не хотели.

Кравченко вышел из пике у самой земли, перевернул машину и пронесся вниз головой над взлетной полосой на бреющем.

«Принимать они его не хотели!» – усмехнулся Григорий. Он тогда заявил в приемной комиссии, что он тут не погулять вышел, что в авиашколу его направил комсомол и что принять его надо! А что касается роста, то хоть он у него и невелик, но управлять самолетом позволяет. Если опустить сиденье основного истребителя Красной армии И-15 до упора, то у него под ногой еще останется пять сантиметров! Сам специально проверял!

Начальник приемной комиссии усмехнулся и сказал:

– Ну, раз, ты так хорошо знаком с истребителями, то никуда не денешься! А ведь придется нам, товарищи, взять этого боевого хлопца!

А потом судьба снова развела их с Серовым. И опять они получали вести друг о друге через друзей и знакомых.

Анатолий сражался с мятежниками в далекой Испании. Командовал авиаотрядом, а потом эскадрилей. Сбил пятнадцать самолетов и вернулся на родину с тремя боевыми орденами. Стал Героем Советского Союза, полковником. О нем теперь знала вся страна. Тут он Григория круто обошел.

Когда Анатолий вернулся в Москву, они и поговорить-то толком даже не успели. Потому что теперь пришла очередь старшего лейтенанта Кравченко убывать в заграничную командировку. Но поехал он не в Испанию. В Испанию ему ехать не хотелось. Как-то не очень хотелось ему идти по проторенному пути.

На другом краю Евразии полыхала не менее кровопролитная война. И там тоже очень нуждались в советских летчиках-добровольцах. Вот, где можно всех опередить, думал тогда Григорий. Но это оказалось не так. Повоевали до него и там.

Впрочем, вскоре об этих смешных мальчишеских амбициях он позабыл напрочь. А вот своего первого боя ему не позабыть, хотя и боев, и сбитых самолетов потом было достаточно...

Это произошло чуть больше года назад, двадцать девятого апреля тридцать восьмого года. В день рождения Микадо, японского императора, в небе над Ханькоу.

К городу рвались самурайские бомбардировщики. С обеих сторон в бою участвовало более сотни самолетов.

Когда Григорий набрал высоту, строй бомбардировщиков уже рассыпался.

«Чиж», истребители-бипланы И-15, вступили в бой с истребителями противника раньше «ласточек», монопланов И-16, и разбили их на мелкие группы. Идущие следом японские бомбардировщики не выдержали натиска, стали сбрасывать бомбы, куда попало и на предельных скоростях поворачивать обратно.

Он подошел к самураю практически вплотную. Огромная туша вражеского бомбардировщика с красными кругами на крыльях закрыла весь прицел. Промануться было невозможно. Он и не промахнулся. Бомбовоз загорелся и свалился в штопор.

Потом он сбил еще один бомбардировщик, но и сам вляпался по самое никуда. Увлекся атакой и забыл про осмотрительность.

Григорий понял, что по нему стреляют, только когда сквозь гул мотора услышал частую дробь и всем телом ощутил удары вонзающихся в его «ласточку» пуль. Вывернувшись из-под прицельной трассы, он оглянулся и увидел самураю. Из пробитых баков хлестал бензин и горячее масло. Оно забрызгало очки и обожгло лицо. Сорвав очки, Григорий сам перешел в лобовую атаку, но вражеский истребитель, сделав переворот, снова стал заходить ему в хвост.

Григория выручил Антон Губенко. К этому времени мотор подбитой «ласточки», сделав несколько перебоев, зачихал и смолк. Пришлось садиться на «брюхо» прямо перед собой. Спасибо Антону, а то сожгли бы его на планировании...

Как давно это было! Григорий снова набрал высоту и выполнил целый каскад фигур высшего пилотажа. Где-то далеко внизу раскинулся аэродром Научно-испытательного института ВВС.

«Антон... Какой был хлопец!» – Кравченко крутил бочки и петли одну за другой.

За бои в Китае им обоим присвоили звание Героев Советского Союза три месяца назад, в один и тот же день. Но Антона уже два месяца как нет. Убился на маневрах. Ребята рассказывали, что он атаковал наземную мишень и чуть-чуть не рассчитал во время пикирования. В авиации «чуть-чуть» иногда бывает слишком много.

«Вот так. Сначала Валерий Чкалов, потом Антон, а теперь вот Анатолий с Полиной...» – Григорий вращал вокруг себя землю с какой-то неистовостью.

Это произошло на учебно-тренировочных сборах. Они летали на отработку слепого полета на спарке и разбились. В этом полете в задней, закрытой кабине сидел Анатолий, а Полина должна была его подстраховывать. Но не сумела.

Витька Рахов первым нашел место катастрофы. Он потом рассказывал, как, осматривая местность с высоты, увидел темную массу народа. Люди бежали со стороны расположенного недалеко села, потом вдруг останавливались, застывали на месте. Они окружали что-то на земле.

Когда Витька сел рядом, ему рассказали, что самолет сначала летел на высоте около четырехсот метров к рощице за селом, потом сделал круг, полетел по прямой назад, затем вернулся, начал виражить и внезапно сорвался в штопор. После нескольких витков он перестал крутиться. Но не успел выйти из пикирования и врезался в землю.

Кабина Серова была открыта. Видать, в последний момент он открыл ее, вывел самолет из штопора, но высоты не хватило. Чуть-чуть...

На место катастрофы немедленно вылетела правительственная комиссия. Говорят, Смушкевич плакал, как ребенок.

«Нет, Григорий Пантелеевич, жениться будем погодить... И без того вдов достаточно!» – подвел итог Кравченко. И вспомнил вдруг, как красиво Анатолий ухаживал за Валентиной.

Серов увидел ее на вечеринке у Александра Ляпидевского, и весь вечер танцевал только с ней одной. И следующие два дня не отходил от нее ни на шаг, возил в театр, в клуб писателей. А на третий день, сидя с ней у нее дома, предложил выйти за него замуж. Ну, разве она смогла бы устоять перед Анатолием Серовым! Разве смогла бы отказать летчику, комбригу, трижды орденоносцу, Герою Советского Союза!

Но неделю она все-таки продержалась. Они договорились, что Валя съездит в Ленинград, посоветуется с матерью. Вечером он проводил ее на вокзал, а на следующее утро прилетел в Ленинград на своем истребителе. Когда она приехала к матери, Анатолий позвонил туда, напросился в гости и тут же приехал, прихватив с собой своего боевого товарища, командующего ВВС Ленинградского военного округа комкора Евгения Птухина в качестве

поддержки. Мать против брака дочери, понятное дело, не возражала. Весь день Анатолий и Валентина провели вместе, гуляли по Ленинграду. Вечером он посадил ее в поезд. А утром, на вокзале в Москве, опять встречал с огромным букетом сирени. Ну, как тут устоять! На восьмой день знакомства они поженились.

«И прожили вместе ровно год...» – Григорий посмотрел на бензиномер. Стрелка дрожала у красной черты. Пора на посадку!

Круто спикировав к посадочному «Т», Кравченко убрал газ и, резко сбросив скорость на выравнивании, выпустил посадочные щитки. Затем, над самой землей, в ускоренном темпе вращая рукоятку, выпустил шасси. Сорок два оборота. Пятнадцать секунд... Такую посадку он отрабатывал на всякий случай, как вынужденный выход из боя с посадкой под угрозой атаки противника. Только в реальном бою надо будет садиться еще быстрее – не выпуская шасси, на «брюхо».

Кравченко хорошо запомнил, каким беспомощным он себя чувствовал, когда его подбили в том, самом первом в его жизни, бою и он планировал с заглохшим мотором.

Самолет он притер на три точки у самого «Т». Как и положено прославленному асу.

Зарулив на стоянку и отстегнув привязные ремни, Григорий пружинисто выпрыгнул из кабины. Все мышцы приятно ныли. «Эх, хорошо...» – потянулся он.

К стоянке подкатила «эмка» начальника аэродрома. Из нее выскочил комбриг Сузи и замахал Григорию рукой, подзывая к себе. Кравченко отстегнул лямки парашюта, забрал у техника фуражку и поспешил к машине.

– Здравия желаю, товарищ комбриг!

– Здравствуй, Григорий Пантелеевич! Мы тебя уже тут заждались!

– Летал согласно плану полетов.

– Да, знаю я. Давай садись и дуй в Москву! Начальник Управления ВВС срочно вызывает.

– Что-то случилось опять?

– Да нет, вроде ничего... Тыфу-ты, чтоб не сплзнуть! Вызвали тебя и Рахова. Без объяснения причин. Он уже уехал. Давай догоняй...

Григорий кинул на заднее сиденье реглан и сел рядом с шофером, который только этого и ждал. Завизжали шины, и «эмка», быстро набирая скорость, понеслась вперед.

День был прекрасный. Лето, опережая календарь, уже вступило в свои права. Григорий, положил фуражку на колени, опустил боковое стекло и выставил наружу ладонь. Они мчались по широким проспектам столицы, и только что политый асфальт лихо шелестел под колесами.

Когда им приходилось притормаживать на перекрестках, юные москвички в легких летних платьях, переходя дорогу, всю глядялись на молодого летчика-майора, на темно-синем френче которого сверкало сразу аж три ордена. Григорий делал вид, что не замечает этих взглядов, но, поймав белозубую улыбку озорной чернявой дивчины, не удержался и широко улыбнулся ей в ответ.

Вспыхнув на мгновение, улыбка тихо растаяла на его лице. Чем-то неуловимым эта неизвестная москвичка напомнила ему Полину Осипенко.

«Как она рвалась в небо!..» – подумал Григорий.

Они были знакомы с Полиной еще с лета тридцать первого. Хотя какое это было знакомство! Он – стриженный, вечно голодный, восемнадцатилетний курсантик, а она – взрослая двадцатипятилетняя замужняя женщина.

Ее муж, Степан Говяз, служил летчиком-инструктором в авиашколе, а Полина работала буфетчицей. Платье в цветочках, белый фартучек с маленькой голубой эмблемкой школьной столовой. И, кажется, не была она тогда такой рослой, крепкой и решительной, какой ее

потом узнала вся страна. Впрочем, кисейной барышней она и в те времена не выглядела. А как загорелась стать пилотом, так и вовсе на нее управы не стало.

До самого Климента Ефремовича дошла, но добилась, чтобы ее зачислили в авиашколу! Но сначала мужа одолела, чтобы научил ее летать.

«Вот настырная дивчина была!..» – усмехнулся Григорий.

Учебные полеты происходили на нескольких площадках, куда к полудню на самолете У-2 привозили стартовый завтрак. В этих полетах муж разрешал ей подержаться за управление. Так она летать и выучилась...

Снова он услышал о Полине уже в тридцать шестом, когда в Кремле на Всесоюзном совещании жен командного и начальствующего состава она на всю страну пообещала с трибуны «летать выше всех девушек мира!».

И, кстати, слово свое сдержала. Три международных женских рекорда высоты, два международных женских рекорда дальности! За эти рекорды и ордена имела. А прошлой осенью за дальний беспосадочный перелет ей присвоили звание Героя! Вся страна за нее переживала, вся страна ей гордилась. Знали ее, правда, уже как Осипенко. Фамилию она поменяла после нового замужества. Не удержал Степан жар-птицу...

Да и фамилия у него была какая-то совсем не геройская.

Григорий познакомился со вторым мужем Полины, летчиком-истребителем Александром Осипенко, пару месяцев назад, когда Михаил Иванович Калинин им обоим вручал в Кремле грамоты Героев Советского Союза и ордена Ленина. Григорию – за Китай, а Александру – за Испанию.

«Вот так и встречаемся. Раз в полгода. От указа до указа. Да еще на похоронах...» – Кравченко нахмурился. Что-то его сегодня заклинило на похоронные темы. Об этом думать – только беду накликать! Он покосился на шофера, как будто тот мог прочесть его мысли и неправильно понять.

«Хватит раскисать, Григорий Пантелеевич! Не к лицу летчику-испытателю Герою Советского Союза такие настроения! Лучше давай подумаем, зачем тебя начальство вызывает. Наказывать вроде особо не за что. Поощрять тоже...» – гадал Григорий.

В этот момент «эмка» подъехала к крыльцу Управления ВВС РККА. Кравченко выскочил из машины, взбежал по лестнице и, козырнув дежурному, хотел доложить о прибытии. Но полковник нетерпеливо замахал рукой:

– Давайте, давайте товарищ майор, уже все собрались!

Григорий быстрым шагом поднялся на второй этаж и вошел в приемную начальника Управления ВВС командарма второго ранга Локтионова. Она была переполнена летчиками, оживленно разговаривавшими между собой. Сплошь знакомые все лица.

«Оба-на! А ты-то сетовал, что редко видимся!» – подумал Григорий, пробираясь сквозь толпу и на ходу пожимая протянутые руки.

От блеска орденов рябило в глазах. Полковники, майоры и капитаны, большинству из которых не было еще и тридцати. В основном это были «испанцы».

«Ага, вот и “китайцы”!» – Григорий поздоровался с Леонидом Орловым и Александром Николаевым, а затем поискал глазами Рахова.

Виктор стоял рядом с «испанцами», которых хорошо знал по летно-испытательной работе и вместе летал в «красной» пилотажной пятерке во время воздушных парадов. Борис Смирнов возбужденно развивал какую-то мысль, что-то втолковывая Павлу Коробкову и Сергею Грицевцу.

Всех интересовало, зачем их собрали. Да еще по персональному отбору, из самых разных мест. Высказывались самые разные предположения, одно другого фантастичней. Но все сходились на том, что это неспроста.

В приемную, так и не оправившись после тяжелой прошлогодней аварии и сильно хромя, вошел комкор Смушкевич. Пилоты кинулись к своему любимцу и покровителю с вопросами, но он только махнул рукой и скрылся за дверью кабинета Локтионова.

Через пару минут начальник Управления вышел и сообщил, что все они – двадцать два летчика – по персональному списку вызваны на совещание к наркому обороны Маршалу Советского Союза Ворошилову. Он их уже ждет.

Когда все расселись, Ворошилов оглядел присутствующих и сказал:

– Мы собрали вас сегодня, товарищи летчики, в связи с важными событиями. Одиннадцатого мая японо-маньчжурские части нарушили государственную границу дружественной нам Монгольской Народной Республики...

Коротко пояснив общую обстановку в районе боев, Ворошилов перешел к главному:

– Позавчера утром семь И-16 вылетели на перехват звена японских истребителей. В результате этого первого воздушного боя только двое летчиков вернулись на свой аэродром, остальные были сбиты. Четыре наших летчика погибли, один был ранен... А самураи, наоборот, не потеряли ни одного своего самолета!

Летчики зашевелились, озабоченно переглядываясь. А Ворошилов тем временем продолжал:

– Вчера днем в двух боях с нашей стороны участвовало тринадцать И-15 бис. Японцы сбили десять самолетов и еще один сожгли на земле после посадки. Два самолета также совершили вынужденную посадку и восстановлению не подлежат... Погибло девять пилотов, один был ранен. А самураи опять не имели потерь!

После этих слов маршала в зале для совещаний повисла гробовая тишина.

«Не может быть!» – Григорий посмотрел на Локтионова. Верить услышанному не хотелось, но и не поверить было нельзя.

Командарм сидел в напряженной позе, неестественно выпрямившись. Все это он уже знал. Сам ведь и докладывал наркому.

Однако двадцатилетний майор даже отдаленно не мог себе представить, какие мысли ворочаются в измученной бессонницей голове начальника Управления ВВС Рабоче-крестьянской Красной армии...

Командарм второго ранга Александр Дмитриевич Локтионов уже почти полтора года был начальником Управления ВВС, сменив на этой должности разоблаченного врага народа Алксниса. И, хотя в середине тридцатых годов несколько лет подряд он являлся помощником командующего войсками военного округа по ВВС, считал себя в авиации человеком случайным и не забывал напомнить наркому о том, что никакого специального авиационного образования не имеет, и всю жизнь командовал стрелковыми частями и соединениями.

Да что тут греха таить, он даже обычного регулярного военного образования не имеет. Краткосрочные курсы – не в счет! Как и многие другие военачальники его поколения, чин прапорщика он выслужил в Германскую, на фронте. В восемнадцатом вступил в Красную армию. В годы Гражданской командовал полком и бригадой. В мирное время был начальником стрелковой дивизии, а затем командиром и комиссаром стрелкового корпуса. И только в тридцать седьмом резко пошел в гору. Сначала был командующим войсками Среднеазиатского военного округа, вместо врага народа Дыбенко, а потом был назначен начальником Управления ВВС.

По иронии судьбы, после ареста Алксниса дела в авиации пошли гораздо хуже, чем при его вредительском руководстве. Катастрофы чуть не через день. Начальник Главного управления политпропаганды РККА армейский комиссар первого ранга Мехлис без конца строчит доклады о повальном пьянстве в авиации. Эти летуны пьют по-черному и бьются один за другим! Локтионов почти физически ощущал, как накаляется под ним кресло. И вот теперь его самые худшие ожидания начинают оправдываться.

Свою долю упреков и матерщины он уже поимел. Хотя, понятное дело, настоящий разбор полетов еще только предстоит. И никакие прежние заслуги и ордена не спасут, как не спасли его предшественников. Поэтому надо было что-то срочно предпринимать. Болванов, которые допустили этот бардак в Монголии, он от должностей уже отстранил. Но это только полдела. После таких поражений снова посылать людей в бой было равносильно самоубийству. Поэтому он и предложил для поднятия боевого духа отправить в район боев тех, кто умел побеждать и уже много раз побеждал врага.

Ворошилов еще раз оглядел присутствующих:

– Из-за господства японской авиации сухопутные части несут большие потери. Гибнут красноармейцы и командиры... Вот, дорогие товарищи, потому-то мы и вызвали вас, уже имеющих опыт боев в Испании и Китае. Уверен, что вместе с другими летчиками вы сумеете добиться коренного перелома в воздушной обстановке в Монголии. Все вы будете назначены советниками и командирами частей и подразделений. Ваша главная задача – передать свое умение бить врага, научить этому строевых летчиков! И вместе с ними разгромить обнаглевшую японо-маньчжурскую сволочь! – Ворошилов повернулся к начальнику Управления ВВС. – Товарищ командарм!

Локтионов встал:

– Товарищи командиры! Сейчас вас отвезут на Центральный аэродром. Три транспортных «Дугласа» уже подготовлены к вылету. Маршрут перелета: Москва – Свердловск – Омск – Красноярск – Иркутск – Чита – Баян-Тумен. Группу возглавляет заместитель начальника Управления ВВС комкор Смушкевич! Он назначен командующим советских ВВС в районе боев. По прибытии каждому из вас будет поставлена персональная боевая задача.

Он повернулся к Ворошилову:

– Разрешите выполнять, товарищ нарком?

Ворошилов коротко кивнул:

– Действуйте!..

По дороге на аэродром все разговоры в автобусе были только о том, о чем шла речь на совещании. И тут уже «китайцы», как настоящие эксперты, вовсю делились своими впечатлениями о самурайских «королях неба». Вывод был единодушный: японцы – противник серьезный и недооценивать его нельзя, но бить можно и даже нужно!

На аэродроме обсуждение продолжалось с не меньшим жаром. Тем более что пришлось-таки задержаться, как это обычно и бывает в армии. Сначала – беги, потом – жди, потом опять – беги.

Провожать их на Ходынку приехал сам Ворошилов, который как чувствовал, что все надо перепроверить. Узнав, что ни экипажи, ни пассажиров гражданский воздушный флот парашютами не обеспечивает, народный маршал едва не разнес эту несчастную контору на букву «Г» по бревнышкам и запретил вылет, пока не доставят парашюты на всех – и на тех, и на других. А заодно приказал поменять гражданские экипажи на армейских летчиков.

Действительно, весь цвет советской военной авиации и в том числе одиннадцать Героев Советского Союза в одном самолете! Да еще без парашютов! Случись что – и особистов дожидаться не стоит, сразу можно пулю в лоб пускать. Без разницы, маршал ты или командарм.

Ну и что, что за штурвалами «Дугласов» лучшие из лучших пилотов ГВФ, а ведущим идет вообще летчик-миллионер Александр Голованов! Тут дело государственное! А пилот, он и сам в том же самолете сидит без парашюта, как и остальные, с него не спросишь потом, если что!

– Хорошо, миллионер пускай летит. Лидировать будет. А остальных поменять! – приказал Ворошилов.

Довольные отеческой заботой своего маршала летчики, как мальчишки, потешались, глядя на мечущихся во все стороны, как на пожаре, гражданских.

Наконец парашюты привезли, и все три «Дугласа» после недолгого разбега оторвались от бетонки и взяли курс на восток.

Григорий смотрел сквозь иллюминатор на исчезающую в сизой дымке столицу, и сердце его наполнялось какой-то задорной силой. Он снова летит на войну! Жизнь-то, похоже, опять налаживается!

«Эх, не успел-таки ты жениться, Григорий Пантелеевич!.. И слава богу!» – подумал он. А потом решительно сдвинул на лоб фуражку, закрыл глаза и заснул.

Глава 6. «Мы войны не хотим, но себя защитим...»

Москва, 1 июня 1939 г.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО!

СТЕНОГРАММА совещания Политбюро ЦК ВКП (б), СНК и НКО СССР

СТАЛИН. Товарищ Ворошилов, доложите Политбюро, что у вас там такое происходит в Монголии?

ВОРОШИЛОВ (Маршал Советского Союза, нарком обороны, член Политбюро ЦК). Самураи опять распоясались, товарищ Сталин! Мало им Хасана показалось...

У нас с монголами с тридцать шестого года протокол о взаимной безопасности, целый корпус расквартирован, а они лезут! За полгода семнадцать раз провокации устраивали! А на этот раз совсем обнаглели! Одиннадцатого мая разгромили монгольскую погранзаставу, четырнадцатого снова напали на ихних пограничников, двадцатого уже на наш стрелковый взвод напали возле реки Халхин-Гол. Что характерно, на монгольской территории! Ну, мы их, конечно, вытолкали обратно. А три дня назад они целой дивизией навалились. Превосходящими силами. Наших-то там всего ничего было – пара стрелковых батальонов, да артдивизион. Командир корпуса Фекленко нерасторопный оказался. Потеснили нас япошки немного. Вчера мы кой-чего подтянули к месту боев и выбили их обратно. Но есть потери... *(заглядывает в бумажку)* десять броневиков, три орудия, около ста человек убитыми. Раненых чуть побольше... Авиация наша здорово облажалась. Самураи летали, как хотели и где хотели. Поэтому и потери такие.

СТАЛИН. Начальник ВВС, объясните, почему самураи у вас летают, где хотят?

ЛОКТИОНОВ (командарм второго ранга, начальник Управления ВВС, заместитель наркома обороны). Товарищ Сталин! Действительно, в майских боях авиация особого корпуса себя не проявила. Точнее, показала свою неготовность к воздушным боям с матерым, опытным противником. У японских летчиков большой опыт боевых действий в Китае, а у нас там были необстрелянные пилоты. Но из боя никто не выходил. Дрались до последнего!

СТАЛИН. Какие потери?

ЛОКТИОНОВ. Боевые потери с двадцатого по тридцать первое мая составили семнадцать самолетов, в том числе один разведчик Р-5, четыре истребителя И-16 и двенадцать истребителей И-15 бис. Погибло двенадцать летчиков.

СТАЛИН. Сколько японцев сбили?

ЛОКТИОНОВ. В воздушных боях повреждено более десяти японских самолетов.

СТАЛИН. А сколько сбито?

ЛОКТИОНОВ. Ни одного, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Что вы предприняли?

ЛОКТИОНОВ. Позавчера по приказу товарища Ворошилова в район боев была направлена большая группа летчиков и специалистов, имеющих опыт боев в Испании и Китае, во главе с моим заместителем комкором Героем Советского Союза Смушкевичем. В группе одиннадцать Героев Советского Союза. Все они будут назначены советниками в полки и эскадрильи. Я ручаюсь, что в кратчайший срок ВВС корпуса будут подготовлены к боям! Это всего лишь первый раунд! Мы их задавим!

СТАЛИН. Хорошо. Политбюро обязательно проверит, как вы выполните свое обещание... Значит, командир особого корпуса Фекленко не справился?.. Я думаю, его надо заменить. Разве у нас нет достойных командиров корпусов, которые покажут наконец этим зарвавшимся милитаристам, с кем они имеют дело?

БУДЕННЫЙ (Маршал Советского Союза, инспектор кавалерии, член ЦК). Я предлагаю отправить в Монголию комдива Жукова.

СТАЛИН. Какого такого Жукова?

БУДЕННЫЙ. Заместителя командующего Белорусским округом по кавалерии. Я его знаю, он у меня в инспекции служил. Хороший конник. Знает, с какой стороны к кобыле подойти. Исполнительный. И потребовать может. Он им там всем даст просрать!

ЩАДЕНКО (армейский комиссар первого ранга, начальник Управления по командному и начальствующему составу, заместитель наркома обороны, член ЦК). Жуков – не политик. А там другая страна и вообще.

СТАЛИН. Нам не надо политиков. У нас их достаточно, даже слишком много лишних. Нам нужны исполнители. Вызвать Жукова в Москву немедленно!..

ЩАДЕНКО. Слушаюсь, товарищ Сталин.

СТАЛИН. Значит, семнадцать раз монголам провокации устраивали? Совсем обнаглели эти милитаристы... Товарищ Берия, а сколько раз они нам устраивали провокации?

БЕРИЯ (комиссар госбезопасности первого ранга, нарком внутренних дел, кандидат в члены Политбюро ЦК). Только за последние два года на границах с Маньчжурией зафиксировано более двухсот тридцати нарушений, из них тридцать пять – крупные боестолкновения, товарищ Сталин. Самое крупное было у озера Хасан в прошлом году.

СТАЛИН. Предлагаю в целях обеспечения безопасности наших дальневосточных границ поддержать идею создания Союза Дальневосточных Народных Республик в составе: Тувинской Аратской Республики в ее нынешних границах, Монгольской Народной Республики в ее нынешних границах, Маньчжуро-Китайской Народной Республики с южной границей по реке Хуанхэ и ее притоку Вэйхэ, и Корейской Народной Республики с северной границей по рекам Ялуцзян и Тумыньцзян.

Товарищ Чойбалсан с нашей помощью уже навел революционный порядок в Монголии. Поэтому основной политической задачей в настоящий момент считаю – ликвидацию марионеточного прояпонского режима Маньчжоу-Го и образование Союза Дальневосточных Народных Республик, а основной военной задачей – разгром японской Квантунской армии.

ГОЛОС. Давно пора раздавить это белогвардейское гнездо!

ГОЛОС. Самураи сами напросились!

ГОЛОС. Раскатать их к такой-то матери!

ГОЛОС. Пора рассчитаться за Цусиму и КВЖД!

ГОЛОС. Надо помочь китайским товарищам!

СТАЛИН. Давайте послушаем, как Генштаб планирует решить эту задачу.

ШАПОШНИКОВ (командарм первого ранга, начальник Генерального штаба, кандидат в члены ЦК). Для решения поставленной задачи Генштаб предлагает сформировать на базе Забайкальского военного округа, первой и второй отдельных Краснознаменных армий и пятьдесят седьмого особого стрелкового корпуса три фронтовых объединения – Забайкальский, Дальневосточный и Приморский фронты – и подчинить их Ставке главнокомандования Красной армии на Дальнем Востоке.

Ориентировочные сроки проведения Маньчжурской стратегической операции – конец этого лета.

Основной удар планируется нанести силами Забайкальского фронта и Монгольской народно-революционной армии со стороны Забайкалья и территории МНР в направлении на Цицикар, Мукден и Бэйпин. Его цель – вывести главную группировку советских войск в

обход с юга Хайларского и Халун-Аршанского укрепленных районов и рассечь фронт Квантунской армии на несколько частей.

Встречный удар планируется нанести в направлении на Харбин и Гирич с востока, из района южнее озера Ханка, силами Приморского фронта, и с севера, из района Благовещенска, силами Дальневосточного фронта при поддержке кораблей Краснознаменной Амурской военной флотилии. После соединения все три фронтовые группировки должны развить наступление в направлении на Бэйпин, Порт-Артур и Сеул.

Кроме того, Генштаб предлагает нанести вспомогательный удар на Южном Сахалине, высадить морские десанты на острова Курильской гряды, а также воздушные десанты в основных стратегических пунктах на территории Маньчжурии, Северо-Восточного Китая и Кореи. Указанные действия обеспечивают полное окружение и разгром главных сил Квантунской армии в кратчайшие сроки.

Таким образом, замысел Маньчжурской стратегической операции предполагает последовательное решение следующих задач. Во-первых, быстро разгромить японские войска прикрытия, преодолеть труднодоступную полосу местности, вывести основные силы наступающих войск на рубежи, с которых можно развить наступление непосредственно на жизненно важные районы противника. Во-вторых, разгромить резервы Квантунской армии и вывести основные силы наступающих войск на линию Бэйпин, Мукден, Чанчунь, Харбин, что приведет к освобождению всей территории Северо-Восточного Китая и Кореи.

При проведении операции предполагается тесное взаимодействие с частями, руководимыми Компартией Китая, а именно – Объединенной северо-восточной антияпонской армией под командованием Ян Цзинюя, Восьмой национально-революционной армией под командованием Чжу Дэ и Новой Четвертой национально-революционной армией под командованием Е Тина, а также Корейской Народно-революционной армией под командованием Ким Ир Сена. Окончанием операции будет являться выход наших войск на рубежи Цзинань – Кайфын – Сиань – Ланьчжоу.

После завершения Маньчжурской стратегической операции Генштаб предлагает, не снижая темпов наступления, форсировать Хуанхэ в ее нижнем течении. Силами фронтов и стратегических резервов Ставки главнокомандования Красной армии на Дальнем Востоке нанести удар во фланг и тыл группировки японских войск в междуречье Хуанхэ и Янцзы в направлении на Циндао, Сюйчжоу, Нанкин и Ухань. При проведении операции предполагается тесное взаимодействие с частями КПК, Гоминдана и партизанами... Основной целью Нанкинской операции является окружение и полный разгром японской армии на территории Китая.

Имеющиеся расчеты подтверждают реальность наших планов.

ГОЛОС. А саму Японию будем освобождать?

ШАПОШНИКОВ. Основным препятствием для проведения десантной операции на Японских островах является японский флот. К сожалению, еще со времен Русско-японской войны японский флот господствует на Дальневосточном морском театре.

СТАЛИН. А зачем нам японские острова? Нам чужого не надо. Да и что там взять? У них там одни гейши и все! *(Смех среди присутствующих.)* Нет, нам незачем высаживаться на японских островах. Что мы – империалистические агрессоры, что ли? А вот немножко побомбить этих милитаристов было бы полезно. Можем мы это сделать, товарищ Локтионов?

ЛОКТИОНОВ. Так точно, товарищ Сталин. Силами первой и второй отдельных авиационных армий Резерва Главного командования и ВВС первой отдельной Краснознаменной армии мы можем нанести мощные удары по важнейшим объектам практически на всей территории Японии. Год назад мы это уже доказали, когда шесть тяжелых бомбардировщиков ТБ-3 с китайскими пилотами под руководством наших советников совершенно безнаказанно

пролетели над островом Кюсю и сбросили несколько тонн листовок. Так что, если потребуется, ВВС готовы нанести бомбовый удар.

СТАЛИН. Спасибо, товарищ Локтионов. Обязательно запланируйте побольше таких ударов... Я полагаю, что Генштаб еще поработает над планами операций в Китае. Начало Маньчжурской стратегической операции назначим на начало августа. К этому времени надо разобраться с этой японской дивизией у реки Халхин-Гол и все подготовить для разгрома остальной Квантунской армии.

Главнокомандующим на Дальнем Востоке я предлагаю назначить товарища Тимошенко, товарища Апанасенко назначить его заместителем, а командующими фронтами предлагаю назначить товарищей Яковлева, Штерна и Конева.

Еще один организационный вопрос...

В условиях непрекращающихся провокаций со стороны империалистических агрессоров и предстоящих военных операций нам необходимо укрепить наркомат обороны. Товарищ Ворошилов оказался слишком доверчивым... (*Ворошилов медленно встает.*) Он окружил себя врагами народа, всякими тухачевскими-мухачевскими и уборевичами-губаревичами! И лишь благодаря бдительности товарищей из НКВД мы сами не оказались там, куда мы теперь отправили этих врагов народа!

ГОЛОС. Изверги рода человеческого!

ГОЛОС. Фашистские прихвостни!

ГОЛОС. Рыко-бухаринская сволочь!

ГОЛОС. Троцкисты поганые!

СТАЛИН. Мы тут посоветовались и предлагаем назначить товарища Сталина наркомом обороны Советского Союза.

ГОЛОС. Правильно!

ГОЛОС. Давно пора!

СТАЛИН. Товарищ Ворошилов показал себя близоруким и политически недалеким товарищем... (*раскуривает потухшую трубку*). Но мы ему верим. Он это не специально. Товарищ Ворошилов честный ленинец. Садитесь, товарищ Ворошилов.

Мы предлагаем назначить товарища Ворошилова заместителем наркома обороны и поручить ему очень важный вопрос – формирование стратегических резервов Красной армии на Дальнем Востоке. А товарищ Берия ему поможет.

БЕРИЯ. Слушаюсь, товарищ Сталин.

(*Ворошилов наливает себе полный стакан воды из графина и выпивает его залпом.*)

СТАЛИН. Теперь послушаем, что нам сообщит разведка. Какие силы сосредоточили японцы на наших границах?

ПРОСКУРОВ (Герой Советского Союза, комдив, начальник пятого управления Генштаба). По имеющимся данным общая численность японской армии в настоящий момент составляет один миллион семьсот пятьдесят три тысячи человек, четыре тысячи триста орудий, тысячу двести девяносто шесть танков и до трех тысяч самолетов.

Императорский флот Японии насчитывает десять линкоров, шесть авианосцев с тремястами девяноста шестью самолетами на борту, восемнадцать тяжелых и семнадцать легких крейсеров, сто двадцать один эскадренный миноносец и пятьдесят шесть подводных лодок.

После оккупации Маньчжурии в тридцать первом году Япония срочно реорганизовала находившиеся на этой территории войска и развернула их в крупную сухопутную группировку, которая получила наименование Квантунская армия. Японские части в Корее организационно сведены в Корейскую армию.

В настоящий момент в составе Квантунской армии имеются управления трех армий (третьей, четвертой и пятой), восемь пехотных дивизий (первая, вторая, четвертая, седьмая, восьмая, одиннадцатая, двенадцатая и двадцать третья), вторая авиадивизия (в составе четы-

рех авиабригад), артиллерийский корпус, две танковых дивизии, третья кавалерийская бригада, восемь отдельных гарнизонов и тринадцать пограничных охранных отрядов. Всего, по нашим данным, Квантунская армия насчитывает до трехсот пятидесяти тысяч человек, тысячу пятьдесят два орудия, триста восемьдесят пять танков и триста пятьдесят пять самолетов.

В Корею находятся две пехотных дивизии общей численностью до пятидесяти четырех тысяч человек, двести шестьдесят четыре орудия, тридцать четыре танка и девятьсот самолетов.

В Центральном и Южном Китае в боевых действиях участвует двадцать восемь пехотных дивизий и одна бригада, насчитывающие до семисот тысяч человек, две тысячи орудий, девятьсот тридцать танков и тысячу триста сорок шесть самолетов.

Боеспособность и выучка японских войск находятся на высоком уровне. Однако в сложившейся ситуации японцы вряд ли смогут перебросить что-нибудь на север.

В Японии, на Сахалине и на Формозе имеется еще три пехотных дивизии с частями усиления, а также различные тыловые части, но серьезными резервами на случай войны это назвать никак нельзя.

Армия марионеточного режима Маньчжоу-Го насчитывает двадцать шесть пехотных и семь кавалерийских бригад общей численностью до семидесяти тысяч человек. Боеспособность оценивается как чрезвычайно низкая.

Осенью тридцать восьмого года штаб Квантунской армии разработал План действий номер восемь, так называемый План «Хачи-го», предусматривающий наступательные действия японских войск против СССР в районе рек Уссури и Амур, а также в Забайкалье.

В соответствии с этим планом предполагается перерезать Транссибирскую магистраль и отторгнуть Дальний Восток от остальной части Советского Союза. Квантунская армия должна захватить Уссурийск, Владивосток, а затем Хабаровск и Благовещенск.

На территории Маньчжурии японцами накоплены большие запасы боеприпасов, продовольствия, горюче-смазочных материалов, что позволяет в случае необходимости развернуть широкомасштабные боевые действия. Считая Советский Союз своим главным противником, японцы создали на наших границах семнадцать укрепрайонов общей протяженностью по фронту восемьсот километров, в том числе восемь в Приморье и четыре в Корею и на Сахалине. По фронту укрепрайоны достигают от пятидесяти до ста километров и в глубину до пятидесяти километров и могут быть использованы не только для защиты от возможного нападения, но и как опорные пункты для ведения наступательных операций. Острова Курильской гряды прикрыты береговыми артиллерийскими батареями, укрытыми в железобетонные сооружения, и воинскими гарнизонами, обеспеченными развитыми долговременными оборонительными сооружениями.

СТАЛИН. Крепко окопались, милитаристы несчастные! Значит, боятся... Пусть боятся! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики! Верно, я говорю, товарищи!

ГОЛОС. Так точно, товарищ Сталин!

ГОЛОС. Мы им покажем кузькину мать!

ГОЛОС. Камня на камне не оставим!

СТАЛИН. И в Забайкалье, и в Приморье в ближайшие два месяца мы постараемся создать перевес, необходимый для успешного наступления. На земле у нас господство будет. Господство в небесах нам пообещал товарищ Локтионов.

А как быть с господством японского флота на море? Все-таки десять линкоров и тридцать пять крейсеров – это сила. Товарищ Кузнецов, вы у нас совсем недавно командовали Тихоокеанским флотом. Что мы можем противопоставить японскому флоту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.